U 379
204
w 2.

И 379/204 Воронец, Е Н

БИБЛІОТЕКА ПРОТОІЕРЕЯ

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

І. І. ВОСТОРГОВА

Отдѣлъ:

ИЗУЧЕНІЯ И ОБЛИЧЕНІЯ МУХАММЕДАНСТВА.

Выпускъ 2-й.

МІРОВОЗЗРѢНІЕ МУХАММЕДАНСТВА

И ОТНОШЕНІЕ ЕГО

КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

КАЗАНЬ.
ТИПО- И ЛИТОГРАФІЯ К. А. ТИЛЛИ, НА БОЛ. ЛЯД. УЛ., ВЪ Д. ПАНАЕВА.
1877.

В-3395

Невѣрные, — заповѣдуетъ мусульманамъ Мухаммедъ въ Коранѣ отъ имени самого Бога,—*невѣрные тѣ, которые говорятъ, что Мессія, Іисусъ, сынъ Маріи, Богъ. О вѣрующіе* (то есть мухаммедане)! *когда вы встрѣтите невѣрныхъ, убивайте ихъ вездѣ, пока они не сдѣлаются мусульманами, и Богъ осыпетъ васъ благодѣяніями, вы будете счастливы. Убиваете же ихъ не вы, а Богъ; когда бросаешь копье, не ты бросаешь, это Богъ. О вѣрующіе! не показывайте трусости, не призывайте невѣрныхъ къ миру и не избирайте друзьями жидовъ и христіанъ!»* (Коранъ гл. V, ст. 19, 50, 77; XLVII, 4, 22; XLVIII, 16; III, 164, V, 39; VIII, 17; XLVII, 37; V, 56).—Съ *такими-то* священно-религіозными бытовыми *обязанностями* въ одной европейской Россіи *мухаммеданъ болѣе пяти милліоновъ*. Понятна вся естественность и *необходимость настойчивой* противодѣятельности въ Россіи такому безчеловѣчному *государственно-гибельному*, *противохристіанскому* ученію. Для успѣха же этой противодѣятельности ученію аравійскаго лжепророка Мухаммеда неизбѣжно между прочимъ вѣрное изученіе самого мухаммеданства. Но, при крайней ограниченности у насъ числа знатоковъ арабскаго языка и при скудости отечественной литературы по мусульманству, для огромнаго большинства русскихъ изслѣдователей Ислама и обличителей религіозно-государственныхъ заблужденій милліоновъ мухаммеданъ русскихъ подданыхъ,—необходимымъ является знакомство съ трудами по мухаммеданству западныхъ ученыхъ, много уже занимавшихся его разработкою. А въ западной литературѣ по мусульманству господствуетъ *такое антихристіанское* направленіе и всего чаще встрѣчаются, *повидимому* научно обставленныя, *такія* изслѣдованія, которыя *стараются убѣдить* и «*немухаммеданъ*» признавать арабскаго

6044
ф 1-77/13456
III/5349
Л 379/204 М

МАТЕРІАЛЫ

для

ИЗУЧЕНІЯ и ОБЛИЧЕНІЯ

МУХАММЕДАНСТВА.

Выпускъ 2-й.

МІРОВОЗЗРѢНІЕ МУХАММЕДАНСТВА

и отношеніе его

КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

КАЗАНЬ.
Типо- и Литографія К. А. Тиллн, на Большой Лядской ул., въ д. Панаева.
1877.

№ 3468

«Были лжепророки и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси и, отвергаясь искупившаго ихъ Господа,... будутъ уловлять васъ льстивыми словами... И многіе послѣдуютъ ихъ разврату... заблудятся, и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи..... Вы (же), возлюбленные, будучи предварены о семъ, берегитесь, что бы вамъ не увлечься заблужденіемъ беззаконниковъ и не отпасть отъ своего утвержденія... И (нетолько) не участвуйте въ безплодныхъ дѣлахъ тмы, но и обличайте,... и возрастайте въ благодати и познаніи единаго истиннаго Господа Бога, Спасителя нашего Іисуса Христа».

(2-е посл. Петр. гл. 2, ст. 1, 3, 2, 15; гл. 3, ст. 17, 18; посл. къ Ефес. гл. 5, ст. 11, и проч.).

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
40903-46

МІРОВОЗЗРѢНІЕ
МУХАММЕДАНСТВА
И ОТНОШЕНІЕ ЕГО
КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

«Единственно вѣрный способъ къ достиженію успѣха въ миссіонерской дѣятельности состоитъ *въ горячемъ* одушевленіи за христіанскую истину и въ твердомъ убѣжденіи касательно ложности и вреда не христіанскихъ доктринъ и ученій».

(Христ. чтеніе 1875 г., Августъ, стр. 261).

Отдѣльный оттискъ изъ XIV выпуска Миссіонерскаго Противомусульманскаго Сборника.

МІРОВОЗЗРѢНІЕ
МУХАММЕДАНСТВА

и

ОТНОШЕНІЕ ЕГО

КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

СОСТАВИЛЪ

Е. Н. ВОРОНЕЦЪ,

Кандидатъ Богословія, 1)

бывшій студентъ Московской Духовной Академіи учебнаго курса

1866—1870 г.

1.) Дополненіе къ списк. студент. Моск. Дух. Академ. изд. 1889 г. стр. 95.

КАЗАНЬ.

Типо- и литографія К. А. Тилли, на Бол. Лядской ул.

1877.

Особое Опредѣл. совѣта М. Д. Ак. утвержден. Св. Синодомъ.

По христіанскому Божественному вѣроученію:

«Единый Богъ есть вѣчная истина... Богъ есть свѣтъ... Богъ есть *любовь*!...

Кто приходитъ къ вамъ, и не приноситъ ученія Христова,—того не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте... Кто учитъ иному (чѣмъ Христосъ) и не слѣдуетъ здравымъ словамъ Господа Іисуса Христа, — тотъ гордъ, ничего не знаетъ... удаляйся отъ такихъ... Еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія отвращайся.... (Но всѣмъ) проповѣдуй Слово Божіе.... И совершайте молитвы за *всѣхъ* человѣковъ, ибо Богъ Спаситель *нашъ* хочетъ, чтобы *всѣ* люди спаслись и достигли познанія истины... Любите враговъ вашихъ, будьте милосерды и къ не благодарнымъ и злымъ... Ни кому не воздавайте зломъ за зло. Не мстите, но прощайте и благотворите!»

(Еванг. Марк. гл. 12, ст. 29, 31; Іоан. 17, 3; 1 Тим. 1, 17; 1 Іоан. 5, 6; 1, 5; 4, 8, 16; 2 Іоан. 10; Тит. 3, 10; 1 Тим. 2, 1, 4; 4, 11; 6, 3—5; 2 Тим. 4, 2; Лук. 6, 35—37; Римл. 12, 17, 19).

По мухаммеданскому богохульному лжеученію:

«Богъ заблуждаетъ... Богъ вдохнулъ безуміе... Богъ (только) *мстителенъ*!..

Невѣрные тѣ, которые говорятъ, что Мессія, Іисусъ, Сынъ Маріи, Богъ. О вѣрующіе (то есть мухаммедане)! когда вы встрѣтите невѣрныхъ (то есть христіанъ), убивайте ихъ вездѣ, гдѣ ни найдете, чтобы произвесть большую рѣзню, и гоните ихъ, пока они не сдѣлаются мусульманами!.. Не призывайте невѣрныхъ къ миру, не избирайте друзьями христіанъ! Сражайтесь съ ними и Богъ осыпетъ васъ благодѣяніями, а если не будете сражаться съ ними, то онъ поразитъ васъ страшнымъ наказаніемъ. Убиваете же ихъ не вы, а Богъ; когда бросаешь копье, не ты бросаешь, это Богъ!.. Таково возмездіе невѣрнымъ» - то есть христіанамъ!

(Коранъ Мухаммеда гл. XXXV, ст. 9; XCI, 8; гл. III, 3; V, 96; XIV, 48; XLVII, 4; XLVIII, 16; 11; 187; V, 19, 50, 56, 77; 111, 164; VIII, 17).

ВВЕДЕНІЕ.

Родина и колыбель мухаммеданства, страна впервые подробно и точно описанная только современнымъ намъ англійскимъ ученымъ путешественникомъ Пальгрэвомъ,—Аравія,—кромѣ живаго интереса для христіанскихъ народовъ, какъ мѣсто совершенія многихъ важныхъ и съ дѣтства христіанамъ дорогихъ священно-библейскихъ сказаній,—представляетъ еще весьма много интереснаго и вообще по тому великому значенію, которое неоднократно приходилось имѣть ей въ историческихъ судьбахъ даже и европейскаго міра. Но, не смотря на это, до описанія ея Пальгрэвомъ, Аравія съ ея жителями и духовнымъ религіознымъ ихъ міромъ чрезвычайно мало или невѣрно была извѣстна европейцамъ.

Послѣ краткихъ и отрывочныхъ священно-библейскихъ сказаній объ Аравіи, свѣдѣнія объ ней, сообщенныя Европѣ древними греческими и римскими писателями, или произвольны, не вѣрны и баснословны, или очень неточны[1]). Со временъ арабскаго лжепророка Мухаммеда и калифовъ исторія Аравіи нѣсколько хотя и проясняется, но страдаетъ сильнымъ, доходившимъ до лжи, пристрастіемъ мухаммеданскихъ писателей,[2]) и при томъ проясняется не надолго, потому что, съ паденіемъ

---

[1]) Смотр. наприм. въ 1-мъ выпускѣ Матеріаловъ для изуч. и облич. мухам.—Ист. Единства Божія въ домохам. религіи аравитянъ 1873 г. стр. 57 и проч. вын. (4) стран. 94, 95—96.

[2]) Смотр. наприм. тамъ же стр. 132—133 и друг.

арабскаго калифата, Аравія снова обособляется, замыкается въ самое себя, и опять перестаетъ быть доступною для Европы.

Новаго времени изслѣдователи Аравіи Кастренъ, Ачбуръ, мало знавшій арабскій языкъ, [1]) — Жанъ-Луи Буркгардтъ, неточно и невѣрно описавшій арабовъ — бедуиновъ, ихъ жизнь и общественное состояніе Аравіи,[2]) — Вельштедтъ и Валлинъ, занимавшіеся преимущественно топографическими изысканіями,[3]) и всѣ прочіе ученые европейцы, путешествовавшіе на востокъ до 1863 года, посѣтили только одинъ окраины и побережья обширнаго аравійскаго полуострова, большею частію уже потерявшія чисто арабскій характеръ[4]), и свѣдѣнія о жизни Аравіи черпали болѣе изъ чуждыхъ уже арабскому духу и племени источниковъ.—Только даровитѣйшій питомецъ Оксфордскаго университета, Вилльямъ Джифордъ Пальгровъ, первый изъ европейцевъ послѣднихъ столѣтій проѣхалъ чрезъ *всю* Аравію и, проживъ болѣе года въ центральныхъ ея областяхъ, *первый непосредственно* и всесторонне изучалъ мухаммеданство—религію арабовъ и жизнь ихъ во внутреннихъ, сохранившихъ свою народность, областяхъ Аравіи.[5]) Въ виду вышеизложеннаго, это послѣднее обстоятельство вмѣстѣ съ превосходнымъ знаніемъ Пальгровомъ арабскаго языка, восточныхъ нравовъ и быта,—пріобрѣтеннымъ путемъ долголѣтней жизни его въ Сиріи, близъ границъ Аравіи, также вмѣстѣ съ блестящими его способностями и учеными познаніями, съ его живою, христіанскою любовію къ человѣку и къ изученію людей,[6]) все это дѣлаетъ опытно-психическія наблюденія и свидѣ-

---

[1]) William Gifford Palgrave. — Une année de voyage dans l'Arabie centrale. Traduit de l'anglais par E. Jonveaux, édit. 1866 au. tome 2, p. 32.

[2]) Palgrave, t. 1, preface p. 5.

[3]) Palgrave, t. 1, preface p. 5.

[4]) Palgrave, t. 1, introduct. par Vivien de saint Martin, p. XV, p. 125, 151,— t. 2, p. 32, 66.

[5]) Palgrave, t. 1, introd. p. IV, VI, p. 125, 151.

[6]) Palgrave, t. 1, introd. p. V—VI. pref. p. 1—2, p. 176, 177.

тельства Пальгрэва чрезвычайно важными и преимуществующими предъ всѣми у европейцевъ доселѣ имѣвшимися свѣдѣніями объ аравійскихъ арабахъ и о мухаммеданствѣ, преимущественно для нихъ же составленномъ въ Аравіи.

Съ другой стороны, при настоятельной миссіонерской и государственной потребности изученія и обличенія мухаммеданства у насъ, въ Россіи, а также вслѣдствіе крайней ограниченности у насъ числа знатоковъ арабскаго языка и при скудости отечественной литературы по мусульманству, для большинства русскихъ изслѣдователей Ислама и обличителей религіозно-государственныхъ заблужденій милліоновъ русскихъ мухаммеданъ, въ интересахъ не только полноты его изученія, но и практическаго воздѣйствія, вліянія на мусульманъ, — *неизбѣжнымъ* является знакомство съ трудами по мухаммеданству западныхъ его изслѣдователей, много уже занимавшихся его разработкою, опредѣленіемъ его свойствъ;—въ этомъ-то отношеніи свидѣтельства Пальгрэва представляются еще болѣе важными и *необходимыми*. Въ западной литературѣ по мухаммеданству большею частію встрѣчаются и даже въ новѣйшее время еще господствуютъ[1]) такія произвольныя, ложныя представленія въ мухаммеданствѣ, которыя стараются увѣрить, напримѣръ, что „Мухаммедъ въ глазахъ и *не мухаммеданъ* можетъ (пожалуй) быть сочтенъ (истиннымъ) *Посланникомъ Божіимъ*“.[2]) Подобныя антихристіанскія симпатіи, почитаемыхъ и носящихъ высокія званія западныхъ ученыхъ писателей, предательски сплятся возвысить арабскаго лжепророка Мухаммеда

[1]) Смотр. очеркъ новѣйшей западной противомусульманской литературы, въ Христ. чтеніи 1875 г. Августъ, стр 241—264; и еще: Исламизмъ французскихъ писателей К. Кустодіева, въ Правосл. Обозр. за 1866 годъ, Май, замѣтки стр. 26—35.

[2]) Mohammed der Prophet sein Leben und seine Lehre von G. Weil, edit 1843 Seite 402; еще позже въ 1874 г. французъ Шолль называетъ лжепророка Мухаммеда: Envoyè de Dieu въ соч. L'Islam et son fondateur, par Jules Charles Scholl, edit. 1874, pag. 457.

даже надъ самимъ Мессіею, Господомъ Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ міра. Только одни изъ ученыхъ этого направленія, проповѣдующіе путями окольными, косвенными такія ложныя и нечестивыя понятія, прямо, не уничижая христіанства, признаются, что удерживаются отъ прямаго сравненія лжепророка Мухаммеда съ Господомъ Іисусомъ *потому только*, что „намъ (христіанамъ) трудно судить Христа, такъ какъ мы ослѣплены (обольщены) Имъ.“[1]) Другіе же, восхищаясь воображаемою разумностію и естественностію мухаммеданства, прямо говорятъ, что: „Вмѣсто Бога вочеловѣчившагося, Мухаммедъ прославляетъ (проповѣдуетъ) Бога воплощеннаго въ Коранъ-книгу, прогрессивное ученіе которой никогда не падетъ ни отъ вліянія европейскаго просвѣщенія[2]), ни отъ усилій окружающихъ его вѣръ.“[3]) Похвальнымъ отзывамъ этихъ мухаммеданствующихъ лжеученыхъ христіанъ не достаетъ только одного: прямаго открытаго призыва христіанъ отправиться въ Мекку и Медину для поклоненія лжепророку Мухаммеду и воскуренія предъ его гробницею ониміама. И многія подобнаго антихристіанскаго духа сочиненія, какъ видно даже изъ приводимыхъ здѣсь подстрочныхъ указаній[4]), стали издавать у насъ въ переводѣ на русскомъ языкѣ. Мало того, что мухаммеданское населеніе нашего отечества въ одной Европейской Россіи, численностію превышающее пять милліоновъ, укрѣпляли еще такъ

[1]) Mahomet et le Coran, par J. Barthelemy Saint-Hilaire, 2-me edit. 1865 an., preface des devoirs mutuels de la philos. et de la religion, p. XXI.

[2]) Histoire de l'Islamisme etc., par F. le Blanc Hackluya, edit. 1852 an. p. 20, 137, 136, 135; это сочиненіе подъ назв. «Исторія Исламизма, соч. фр. Гаклюйя, переведено и издано на русск. яз. П. Моренцомъ, въ 1865 году, но я этого перевода не имѣлъ подъ руками.

[3]) Иллюстрированная газета (бывшая иллюстрація) за 1863 годъ, томъ XII, № 23, стр. 358, въ статьѣ «Магометъ и происхожденіе исламизма.» (окончаніе).

[4]) Также еще напр. и въ сочин. Турецкая Имперія, ея исторія и прочч. соч. А. де Бесее, изд. 1860 г., часть 4, Религіозн. состояніе Тур. стр. 199—212 и особенно стр. 201, 202, 205; еще напр. въ журн. Знаніе 1873 года № IX Сентябрь, Роль исламизма въ исторіи, особ. стр. 28, 37, 65—66.

недавно го враждебномъ нашему христіанскому отечеству мухаммеданскомъ фанатизмѣ и возбуждали противъ христіанъ разными противорусскими мѣрами и насильственнымъ, обязательнымъ употребленіемъ печатныхъ, крайне христіанству враждебныхъ. Корана и прочихъ[1]) зловредныхъ мусульманскихъ книгъ.—такъ вотъ теперь еще на нашемъ родномъ русско-христіанскомъ языкѣ въ среду уже самаго русскаго населенія стали проводить и распространять какъ будто истинныя, и учеными изслѣдованіями подтверждаемыя, восхваляемыя грустныя мысли этого антихристіанскаго направленія западныхъ ученыхъ, твердящихъ, что лжепророкъ Мухаммедъ былъ «могучимъ, великимъ геніемъ.—что есть что-то разительное и высокое въ той свѣтлой (?—кровопролитной!) дорогѣ, которую его восторженный духъ пробилъ сквозь запутанный лабиринтъ противоположныхъ вѣръ и дикихъ(?)[2]) преданій,[3]) что по строгой справедливости безпристрастная(?!) исторія не можетъ имѣть объ Мухаммедѣ другаго мнѣнія, какъ только благопріятнаго(?!).... какъ о вдохновенномъ геніѣ... котораго ученіе достойно похвалы. величайшаго и самаго закоснаго уваженія,... истинно, здраво и безукоризненно.«[4])—Но *не то* свидѣтельствуетъ фактическая *дѣйствительность* по ученымъ же и непосредствен-

[1]) Правосл. миссія въ Казанск. краѣ въ связи съ исторіею мусульманства Е. Малова, стр. 1, 5, 32—33, перепеч. изъ Правосл. Собес. 1868—70 г., о татарскихъ мечетяхъ въ Россіи Е. Малова, въ Правосл. Собес. 1868 г. Январь стр. 22—23; Матеріалы для этнографіи Россіи — Казанская губ. А. Риттиха, изд. 1870 г., часть II, стр. 3 и пр., Москов. Вѣдом. 1867 г. № 101, передовая статья 8 Мая.

[2]) Въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ для изученія и обличенія мухаммеданства» показано напротивъ, какими въ дѣйствительности высокими и единобожными были преданія арабовъ до Мухаммеда.

[3]) Жизнь Мухаммеда. Соч. Вашингтона Ирвинга, перев. съ англійскаго И. Кирѣевскаго, изд. 1857 года. стр. 14, 257, 255—256; и стран. 15, 16, 282 и 284 того же сочиненія, С.-Петербургскаго изданія 1875 года на русск. яз. подъ ред. М. А. Антоновича.

[4]) Mahomet et le Coran, par J. Barthelemy Saint.-Hilaire, 2-me edit. 1865 an, preface des d e v o i r s m u t u e l s de la philosophie et d e l a r e l i g i o n, p. V, VIII, XXI, IX, XII, X, XXI.

нымъ изслѣдованіямъ арабиста Пальгрэва. Книжно, теоретически не менѣе антихристіанствующихъ западныхъ оріенталистовъ теоретиковъ, знающій мухаммеданство[1]). и единственный изслѣдователь Ислама на его родинѣ среди арабовъ въ настоящемъ его видѣ, Пальгрэвъ рѣшительно и настойчиво утверждаетъ, что „Мухаммеданство“ — ученіе чудовищное и нечестивое, парализуетъ все, чего оно не убиваетъ.... Представляя и самый мракъ не лишеннымъ свѣта,—продолжаетъ Пальгрэвъ, (христіане) защитники мухаммеданства въ (западной) европѣ воспылали къ Мухаммеду такимъ восхищеніемъ, которое удивило-бы и его самого. Мухаммеданскаго „*посланника Аллаха*“ они преобразили въ воображаемаго друга человѣчества (филантропа) XIX вѣка; Коранъ (его) они признали *пятымъ Евангеліемъ*. Положенія частныя, исключительныя выдаютъ они за начала, одушевляющія все дѣло Мухаммеда... Но простые смертные должны бы представлять предметы такими, каковы они на самомъ дѣлѣ (въ дѣйствительности), а не такими, какими желали бы они ихъ видѣть“[2]).

Важность этого изслѣдованія Пальгрэва сознана и свѣтскою русскою ученою литературою. И вотъ появляется въ текущемъ году на русскомъ языкѣ „переводъ съ англійскаго“ подлинника этого знаменитаго путешествія. Издана книга эта у насъ журналомъ, величающимъ себя „научнымъ и критико-библіографическимъ „Знаніемъ.“ Но замѣчательно и весьма характерно особенно то, какъ и въ какомъ содержаніи(!) не-

[1]) Palgrave, introduct. p. V—VI, pref. p. 4.

[2]) Palgrave, t. 1, p. 158, 323, 325—326. Вотъ часть подлинныхъ словъ Пальгрэва. Faute d'avoir reflechi que la nuit même n'est pas complétement dépourvue de lumière, quelques apologistes européens se son pris pour Mahomet d'une admiration qui aurait bien étonné Mahomet lui-meme. Ils ont transformé en philanthrope du dix — neuvieme siecle le «Messager d'Allah»: du Coran ils ont fait un cinquime Evangile. Des maximes de tachées ont été presentées au public comme l'inspiration qui anime tout l'ouvrage de Mahomet.» (t. 1, p. 225—226).

редаютъ намъ это изслѣдованіе наши Петербургскіе „научные и критико-библіографическіе“ публицисты?!...

Безъ всякихъ поясненій и оговорокъ, будто его „переводъ съ англійскаго“ вполнѣ и несомнѣнно вѣренъ съ подлинникомъ,— *Знаніе* начинаетъ съ того, что пропускаетъ, утаиваетъ отъ знанія читателей его изданія все крайне важное, хотя и краткое (всего пять страницъ), предисловіе самого Пальгрова къ этому его путешествію по Аравіи. А именно въ этомъ-то предисловіи Пальгровъ и настаиваетъ на томъ, что главнѣйшая цѣль обнародованія этого его изслѣдованія есть возстановленіе истиннаго понятія объ нравственномъ, общественномъ и религіозномъ состояніи арабовъ, и объ мухаммеданствѣ, исповѣдуемомъ многочисленнымъ большинствомъ восточныхъ народовъ. Вотъ подлинныя объ этомъ слова Пальгрова:[1]) „Чрезвычайно

[1]) William Gifford Palgrave—Une année de voyage dans l'Arabie Centrale (1862 — 1863). Traduit de l'anglais par E. Sonveaux. Accompagné d'une carte, de quatre plans et d'une introduction de Saint Martin. 2 tome, edition de Paris, en 1866. Préface de M. W. G. Palgrave, pages 2—5. «Il est fort important de nous former de idées vraies, d'acquérir des notions précises sur les peuples que les evenements tendant à rapprocher de nous chaque jour davantage, et dont la Providence parait avoir remis les destinées entre nos mains. Les opinions qui ont cours en Europe au sujet des Orientaux, sont en général, je regrette de le dire, fausses et exagérés:... jusqu'ici on ne s'est rendu compte ni des éléments de force du pays, ni des principes de désorganisation qui peuvent causer sa ruine... Les voyageurs influencés par les préjugés nationaux, trop remplis de leurs propres opinions, n'ont pu apprecier sainement l'état intellectuel et moral des nations étrangères, et se sont bornés à une observation superficielle; de l'autre, les poëtes ont répandu sur la vie monotone de l'Orient les brillantes couleurs de leur imagination entousiaste. Tous mes efforts ont donc tendu á dissiper cette erreur, à présenter sous son vrai jour la situation morale, politique, sociale et religieuse de la race arabe:... je n'accordais qu' une attention secondaire aux phenomènes naturels... Les considérations que je presenterai sont applicables, non seulement aux tribus de la Peninsule, mais encore à d'autres nations orientales qu'elles aideront á miaux comprendre, car l'Egypte le Syrie et meme l'Anatolie, le Kurdistan et la Perse ont subi l'influence du génie arabe. Quiconque connaitra bien les causes de la prosperité et de la decadence de la Péninsule aura plus aisement la clef des transformations successives de l'Empire Ottoman, et des gouvernements asiatiques. En outre, une telle étude fera voir á l'oevre cette étrange conception de l'esprit humain, le mahometisme, ou pour parler d'une maniere plus correcte l'islamisme et permettra d'en toucher du doigt les resultats. J'appelle tout particulièrement sur ce point l'attention de ceux qui en Orient et Occident sont disposés à accorder au Prophete une foi aveugle ou une admiration passionnée».

важно имѣть вѣрныя понятія и пріобрѣсть точныя познанія объ народахъ, которыхъ теченіе событій съ каждымъ днемъ все болѣе приближаетъ къ намъ (европейцамъ), и которыхъ участь Провидѣніе, кажется, передало въ наши руки. Мнѣнія, которыя въ ходу въ Европѣ объ восточныхъ народахъ, къ сожалѣнію, вообще ложны и преувеличены;... до сихъ поръ (въ Европѣ) не давали себѣ отчета ни въ элементахъ силы Аравіи, ни въ началахъ разрушенія, которыя могутъ быть причиною ея погибели... Путешественники (европейскіе), подъ вліяніемъ своихъ народныхъ предразсудковъ и слишкомъ переполненные своими собственными мнѣніями, не могли здраво оцѣнить нравственное и умственное состояніе чужестранныхъ народовъ и ограничились однимъ внѣшнимъ (надъ ними) наблюденіемъ; съ другой стороны поэты однообразную жизнь востока покрыли блестящими красками своего восхищеннаго воображенія. Всѣ же мои усилія были направлены къ разъясненію этого заблужденія и къ представленію нравственнаго, политическаго, общественнаго и религіознаго состоянія арабскаго народа въ его истинномъ свѣтѣ... только второстепенное вниманіе удѣлялъ я (собственно физическимъ) явленіемъ природы... Изслѣдованія, соображенія, которыя я представлю, приложимы не только къ населенію Аравіи, но также и къ другимъ восточнымъ народамъ, которыхъ онѣ помогутъ лучше понять, потому что Египетъ, Сирія и даже Анатолія, Курдистанъ и Персія подверглись вліянію арабскаго духа. И тотъ, кто хорошо будетъ знать причины благосостоянія и разстроенія Аравіи, получитъ полную возможность понять непрерывныя превращенія Оттоманской имперіи и азіатскихъ государствъ. Кромѣ того такой образъ изслѣдованія покажетъ въ дѣйствительной, основной сущности это странное измышленіе человѣческаго разума—мухаммеданство, или выражаясь точнѣе исламизмъ, и дастъ возможность несомнѣнно, осязательно вѣрно

познать его результаты. На этотъ-то предметъ (то есть на мухаммеданство) я въ особенности и призываю вниманіе тѣхъ, которые на востокѣ и на западѣ расположены слѣпо вѣровать (мекканскому) лжепророку, или пристрастно почитать Мухаммеда.“—Познакомить современно-просвѣщеннаго Петербургскою критико-библіографическою литературою читателя съ религіею описываемаго народа, въ особенности хотя бы даже только въ косвенную пользу христіанства и во вредъ мухаммеданству, какъ это находится въ путешествіи Пальгрэва,—современно научный журналъ „Знаніе“ считаетъ недостойнымъ себя и своего горделиваго титула, и чтобы свободнѣе расправиться по своему произволу съ свидѣтельствами Пальгрэва о состояніи религіозномъ, выпускаетъ со всѣмъ все его характерное предисловіе.

Оставаясь вѣрнымъ своимъ мухаммеданствующимъ началамъ перекройки на свой ладъ знаменитаго путешествія по внутренней Аравіи, „Знаніе“ и далѣе въ своемъ русскомъ его изданіи пропускаетъ всѣ замѣчательныя свидѣтельства Пальгрэва о религіозномъ состояніи арабовъ и все то, что обнаруживаетъ вредность мухаммеданства[1]). Насколько много сдѣлало

[1]) Такъ на стран. 6 русскаго изданія «Знаніемъ» этого путешествія по Аравіи пропущены свидѣтельства Пальгрэва, озаглавленныя у него: «Culte des Bedouins pour le soleil.—Religion et moralité des Bedouins,»—три страницы; отъ 14 до 17, находящаяся у меня французскаго перевода съ англійскаго, гдѣ Пальгрэвъ говоритъ и о вліяніи мухаммеданства на кочевыхъ арабовъ.—Еще наприм. на стран. 25 пропущено четыре строки 36—41, гдѣ Пальгрэвъ также говоритъ и объ религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ описываемыхъ имъ арабовъ. На стран. 46 пропущено нѣсколько строчекъ, гдѣ Пальгрэвъ, между прочимъ, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія и о религіозномъ состояніи жителей Джоуфской области. Потомъ на стран. 49 выпущено двѣ строки 66—68, озаглавленныя у Пальгрэва. «Indifference religieuse des arabes,» гдѣ онъ говоритъ и объ мухаммеданствѣ.—На стран. 56 пропущено даже шесть строкъ, которыя у Пальгрэва на стран. 76 свидѣтельствуютъ объ мухаммеданской религіозной нетерпимости и въ Аравіи. Еще на стран. 62 пропущено 84 страницы, гдѣ Пальгрэвъ говоритъ о видѣнныхъ имъ остаткахъ христіанскихъ памятниковъ во внутренней Аравіи и вообще въ пользу христіанства. За то на стран. 72, передавая о томъ, что деревья въ описываемой мѣстности составляютъ предметъ религіознаго поклоненія посѣщ., «Знаніе» совершенно произвольно добавляетъ: «какъ нѣкогда въ Палестинѣ,»—

„Знаніе“ подобныхъ произвольныхъ пропусковъ, въ особенности въ описаніи религіознаго и нравственнаго состоянія, ясно уже

но не оговаривается, что добавка эта въ сочиненіи Пальгрэва сдѣлана имъ только отъ себя, хотя у Пальгрэва ни этихъ, ни подобныхъ словъ при описаніи этого обстоятельства на стран. 96 нѣтъ. А на стран. 100 своего изданія «Знаніе» напротивъ опять пропускаетъ даже одну строку Пальгрэва, въ которой онъ на стран. 123 правовѣрие истинныхъ мусульманъ называетъ жестокостью, свирѣпствомъ. Далѣе, наприм., еще на стран. 108 опять пропущено «Знаніемъ» пять страницъ, отъ 132 до 138, озаглавленныя у Пальгрэва. «Influence du mahometisme sur la medecine», гдѣ онъ доказываетъ между прочимъ, какъ и почему первые же проблески этой науки въ Аравіи были погашены исламизмомъ, и что мухаммеданство задушило все, что было жизненнаго въ этой странѣ. На стран. же 109 пропущено опять даже три строки страницы 148 у Пальгрэва, гдѣ онъ свидѣтельствуетъ, что чувственность и идолопоклонство суть отличительныя черты шіитскаго правовѣрнаго мухаммеданства. А на стран. 124 пропущены двѣ стран. отъ 157 до 160, гдѣ Пальгрэвъ дѣйствительностію доказывая, между прочимъ, то, что мухаммеданство парализуетъ все, чего оно не убиваетъ, свидѣтельствуетъ, что «только, когда изчезнутъ изъ Аравіи Мекка и Коранъ (Мухаммеда), только тогда можно будетъ надѣяться, что страна эта достигнетъ той степени благосостоянія, до которой она достигла бы давно безъ пагубнаго вліянія Мухаммеда и его книги (Корана). Вотъ подлинныя эти слова Пальгрэва. «C'est seulement quand la Mecque et le Coran auront disparu de la Péninsule, que l'on pourra espérer avec quelque raison voir ce pays atteindre le degré de prosperité au quel il serait arrivé depuis longtemps sans la funeste influence de Mahomet et de son livre» (p. 158).— За то не выпускаетъ «Знаніе» на стран. 127 свидѣтельства Пальгрэва, что онъ слышалъ въ мухаммеданскихъ мечетяхъ двухъ изъ описываемыхъ имъ мѣстностей, наставленія, исполненныя здраваго смысла и морали; только и здѣсь все-таки утаено «Знаніемъ» то, что Пальгрэвъ, какъ онъ говоритъ, слушалъ такія наставленія съ удовольствіемъ, и что проповѣди не всегда таковы въ мухаммеданскихъ областяхъ, а вмѣсто этого прибавлено «Знаніемъ,» будто онъ слышалъ много такого характера наставленій, чего самъ Пальгрэвъ не говоритъ (стран. 163). Съ другой стороны соотвѣтственно этому же на стран. 302 «Знаніе» пропускаетъ, между прочимъ, совершенно противоположное свидѣтельство Пальгрэва тома 2, стран. 89, гдѣ онъ говоритъ: «Въ продолженіи полутора-мѣсячнаго пребыванія моего въ благочестивой столицѣ (внутренней Аравіи—Riouѣ) я прилѣжно присутствовалъ при произнесеніи (мухаммеданскими муллами) проповѣдей и не слыхалъ я въ нихъ ни одного слова объ нравственности, справедливости, состраданіи, праводушіи и объ чистотѣ сердца, однимъ словомъ обо всемъ томъ, что улучшаетъ человѣка». Вотъ подлинныя слова Пальгрэва этихъ двухъ мѣстъ: Jentendais avec plaisir ces predications familières qui, dans le Djebel—Shomer et le Kasim portent l'empreinte du bon sens et de la moralité. Il n'en est pas toujours ainsi dans les provinces wahabites, comme nous le verons plus tard. (p. 163).. Pendant un mois et demi de sejour dans la pieuse capitale j'ai assidument assisté aux sermons sans avoir entendu dire un seul mot de la moralité, de la justice, de la commiseration, de la droiture, de la pureté de coeur et de langage, en un mot, de tout ce qui rend l'homme meilleur». (p. 89, t. 2).—Еще напримѣръ, на стран. 153 изданія «Знанія» пропущено девять страницъ, отъ 212 до 221, гдѣ, между прочимъ, находятся очень важныя и новыя свѣдѣнія объ до-мухаммеданской религіи Аравитянъ и объ отсутствіи и въ томъ ихъ культѣ образовъ и идоловъ во внутренней Аравіи. Далѣе на стран. 158 опять выпущено свидѣтель-

изъ того, что въ имѣющемся у меня, напримѣръ, французскомъ переводѣ съ англійскаго этого путешествія Пальгрэва два тома, въ которыхъ семьсотъ семьдесятъ пять (775) страницъ, а въ русскомъ изданіи Знанія всего только четыреста тридцать четыре (434), то есть, почти только половина; форматомъ же и

ство о крайне разрушительномъ вліяніи мухаммеданства, а на стран. 159 пропущено «Знаніемъ» восемь страницъ, отъ 227 до 235, озаглавленныхъ у Пальгрэва: Voyageurs deguisés en derviches.—Incidents tragiques.—Sentiments des Arabes a l'egard des chretiens en general et des Européens en particulier, — гдѣ весьма много новыхъ религіозныхъ свѣдѣній. На страницѣ же 188 слова стран. 266 Пальгрэва: «la moindre infraction au Coran devient un crime puni par la loi,»—вмѣсто перевода ихъ искажены такъ: «неповиновеніе обычаямъ неджедской секты замѣчается и наказывается часто съ большою строгостью.» Еще напримѣръ, на стран. 231 изданія «Знанія» пропущено тринадцать страницъ, отъ 321 до 334 перваго тома, на стран. 243 одна, отъ 6 до 7 втораго тома, и на стран. 270 девять страницъ, отъ 33 до 43 тома 2-го, гдѣ на основаніи самыхъ истинно-мухаммеданскихъ арабскихъ источниковъ излагая существенно основныя, характеристическія черты мухаммеданскаго вѣроученія, Пальгрэвъ говоритъ: «какъ ни чудовищнымъ, какъ ни нечестивымъ можетъ показаться это ученіе, оно вытекаетъ изъ каждой страницы Корана (Мухаммеда). По плодамъ узнается дерево, и если бы кто изъ моихъ читателей еще противился осужденію богословствованія Корана, то описываемыя мною въ этомъ путешествіи практическія послѣдствія, порожденныя имъ (въ особенности во вліятельномъ и религіозномъ центрѣ) въ столицѣ мухаммеданъ—вагабитовъ, убѣдятъ его въ справедливости такого взгляда на мухаммеданство. Описаніе, въ которомъ личныя приключенія путешественника на каждомъ шагу мѣшаются съ его размышленіями объ религіозномъ и политическомъ состояніи страны,—должно заключать много сужденій, съ перваго взгляда кажущихся крайними и легкомысленными. Но когда читатель вмѣстѣ со мною обозритъ внутреннюю Аравію, то событія, которыя онъ увидитъ совершающимися предъ его глазами, покажутъ ему справедливость оцѣнки, которой онъ сначала удивлялся. Я никогда не высказываю замѣчаній безъ подтвержденія его самыми очевидными доказательствами... И какъ бы великими не казались читателю неудобства признанія моихъ сужденій, истинность описываемыхъ мною событій должна въ его глазахъ перевѣсить и убѣдить его въ ихъ справедливости. Вотъ подлинныя эти слова Пальгрэва: Si monstrueuse, si impie que puisse paraitre cette doctrine, elle ressort de chaque page du Coran; Ces par ses fruits que l'on connait un arbre, et si quelqu'un de mes lecteurs hesitait encore à porter un jugement sur la théologie du Coran, les resultats pratiques qu'elle a dans la capitale wahabite achèveraient de l'eclairer, on en pourra juger par les pages qui vont suivre.» (t. 1, p. 226, 328, 329; t 2, p. 41)... Un ouvrage dans le quel les aventures personelles du voyageur se mêlent à chaque page avec ses reflexions sur l'etat religieux et politique du pays, doit renfermer, on le comprend sans peine, bien des jugements qui, à premiere vue, paraissent excessifs et inconsiderés. Mais quand le lecteur aura parcouru avec moi le centre de la Péninsule, les evenements qu'il verra s'accomplir sous ses yeux lui montreront la justesse des appreciations dont il s'étonnait d'abord. Je n'avance jamais une observation sans l'appuyer sur les preuves les plus evidents... La verité des faits doit l'emporter sur ces inconvénients, si grands qu'ils soient».

количествомъ строкъ и буквъ въ строкахъ оба эти изданія равны.

При самомъ изданіи „Знаніемъ“ этого путешествія пѣтъ никакихъ оговорокъ и объясненій вышеуказаннымъ издательскимъ дѣйствіямъ научнаго „Знанія“. Но достаточно находится поясненій перекройки и обрѣзки „Знаніемъ“ этого путешествія Пальгрова въ книгѣ № IX, мѣсяца Сентября 1873 года ежемѣсячнаго журнала „Знаніе.“ Тамъ въ статьѣ, ни кѣмъ не подписанной, подъ общимъ заглавіемъ: „Картины изъ жизни историческихъ и не историческихъ народовъ,“ и подъ заглавіемъ: „Роль исламизма въ исторіи,“—въ также лживомъ во многомъ очеркѣ происхожденія мухаммеданства „Знаніе“ между прочимъ говоритъ[1]), что «Мухаммедъ впервые установилъ (!?) соединенную Аравію; благодаря ему, въ нравственной жизни его соотечественниковъ произошло замѣчательное превращеніе (!? по словамъ Знанія къ лучшему)... Вмѣсто упрековъ Мухаммеду за то, что онъ не сдѣлалъ болѣе этого, намъ слѣдуетъ удивляться тому, что онъ сдѣлалъ такъ много (?!). Его исторія есть лучшій примѣръ того, какое вліяніе можетъ оказать отдѣльное лицо на все человѣчество. Этотъ человѣкъ одинъ создалъ славу своего народа и распространилъ его языкъ на половинѣ земной поверхности. Слова, которыя онъ говорилъ тѣснившейся около него толпѣ двѣнадцать вѣковъ тому назадъ, изучаются теперь учеными въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ и поклонниками его въ Меккѣ, Мединѣ, Константинополѣ, Каирѣ, Фецѣ, Тимбукту, Іерусалимѣ, Дамаскѣ, Бассорѣ, Багдадѣ, Бухарѣ, Кабулѣ, Калькуттѣ и Пекинѣ, въ степяхъ средней Азіи, на островахъ Индійскаго архипелага, въ странахъ еще неотмѣченныхъ (!) на нашихъ картахъ, въ оазисахъ безводныхъ пустынь, въ темныхъ (!) деревняхъ, лежащихъ на берегахъ

[1]) Стран. 27, 28.

непзвѣстныхъ (!) рѣкъ. Все это было дѣломъ самого Мухаммеда»...—Послѣ такихъ и подобныхъ варварскихъ языкомъ и темныхъ понятіями тирадъ, заимствованныхъ научнымъ «Знаніемъ» изъ источниковъ еще не отмѣченныхъ въ литературѣ и лежащихъ на полкахъ, никому изъ простыхъ смертныхъ, исключая „Знанія", непзвѣстныхъ книгохранилищъ,—на страницѣ 44 этой статьи современно-научный журналъ «Знаніе» важно возвѣщаетъ: «Намъ остается оцѣнить современное значеніе исламизма и рѣшить, какіе шансы развитія и распространенія онъ имѣетъ въ будущемъ. Мы послѣдуемъ здѣсь знаменитому путешественнику по Аравіи Джиффорду Пальгрэву, котораго англійскіе критики, правда, упрекали въ пристрастіи къ Востоку, но опровергнуть не могли.»—Послѣ всего этого слѣдовало-бы ожидать, что Знаніе изложило пропущенныя имъ въ его изданіи путешествія Пальгрэва свѣдѣнія сообщенныя этимъ знаменитымъ изслѣдователемъ Ислама объ религіозномъ состояніи мухаммеданскаго востока и о значеніи Ислама,—на слѣдующихъ за этимъ заявленіемъ страницахъ. Но въ дѣйствительности нигдѣ не указывая ни одной страницы изслѣдованія Пальгрэва, которымъ оно рѣшилось слѣдовать, научное «Знаніе» увѣряетъ, напримѣръ, на страницѣ 48 этой своей статьи, будто: «Настоящей основой мухаммеданскаго міра является земледѣльческая промышленность.»—Но Пальгрэвъ совершенно напротивъ свидѣтельствуетъ, что: «Мекскій пророкъ объявилъ въ точныхъ выраженіяхъ, что тѣ, которые занимаются земледѣліемъ, отказываются отъ посѣщенія ихъ ангелами: «Ангелы не посѣщаютъ дома, въ которыхъ находится соха,» говоритъ Мухаммедъ своей возлюбленной Айшѣ, и слова эти не нуждаются въ толкованіяхъ.»[1])—Далѣе на стран. 50 «Знаніе» го-

[1]) Вотъ подлинныя эти слова Пальгрэва: «Le Prophete de la Mecque a declaré en terme formel, que si l'on s'occupe de l'agriculture, on renonce aux visites des anges... «Les anges ne visitent pas une maison qui renferme une

ворить: «Исламъ для жителя востока замѣняетъ всѣ идеалы и стимулы европейскихъ народовъ. Онъ дѣлаетъ его архитекторомъ, поэтомъ, философомъ, скульпторомъ, живописцемъ и воиномъ.»—Но Пальгрэвъ опять совсѣмъ на оборотъ этому свидѣтельствуетъ, что: Мухаммедъ имѣлъ глубокое омерзеніе къ скульптурѣ и къ живописи. Съ неумолимою строгостью онъ осудилъ ихъ и всѣми силами старался внушить мусульманамъ святое отвращеніе къ этимъ оскверните льнымъ украшеніямъ... Тѣ, которые предаются наукѣ, дѣлаются еретиками,—Пророкъ (Мекки) объявилъ это въ точныхъ выраженіяхъ... И (напримѣръ) Турки появились въ міръ только для низпроверженія и разрушенія; ихъ мертвящее дыханіе погасило свѣточъ искуствъ и литературы.» [1])—Еще напримѣръ, на стран. 50—51 Знаніе опять, будто слѣдуя Пальгрэву, говоритъ: Сельское (мухаммеданское) населеніе Турціи,—самой самостоятельной (!?) и сильной представительницы исламизма.—должно довольствоваться исключительно интересами скудной жизни своей среды, въ которой единственнымъ источникомъ всякаго рода сообщеній о происходящемъ за предѣлами ихъ узкаго міра и всякихъ нужныхъ для нихъ научныхъ свѣдѣній служатъ муллы или имамы. Сравненіе соціальнаго, нравственнаго и даже политическаго положенія этихъ поселянъ съ положеніемъ другихъ, не мусульманскихъ народовъ очень часто было бы не въ пользу послѣднихъ и укрѣпляло-бы въ первыхъ привязанность къ своей

charrul.» disait le Prophete á sa favorite Eyshah, et ces paroles n'ont pas besoin de commentaires.» Palgrave-une année de voyage dans l'Arabie centrale. Edit. 1866, t. 2, p. 41, 38, 64, 142.

[1]) Вотъ подлинныя эти слова Пальгрэва: «Mahomet (avait une) horreur profonde pour les sculptures et les images .. Le Prophete les proscrivit avec une impitoyable rigeur et s'efforca d'inspirer aux musulmans une sainte aversion pour ces ornements profanes... Se livre-t-on à la science, on devient heretique, le Prophete l'a declaré en termes formels.» (t. 2, p. 35, 11, etc) Les Turcs n'ont guère paru sur la scene du monde que pour renverser et detruire; leur souffle mortel a eteint le flambeau des arts et de la litterature.» (t. 1, p. 158).

родной религіи,» то есть, къ исламизму.—Но Пальгрэвъ напротивъ неоднократно доказываетъ многими подобными, указываемымъ Знаніемъ, сравненіями, что: «Упадокъ духа и способностей, развращеніе нравовъ, война извнѣ, раздоръ во всѣхъ видахъ внутри, опустошающіе семью, общество и государство; судорожныя волненія фанатизма, смѣняемыя безпечнымъ онѣмѣніемъ, кратковременное благоденствіе предъ страшными, продолжительными разрушеніями,—такова картина, представляемая исторіею племенъ мухаммеданскихъ... Нѣкоторые и достойные писатели, обманутые встрѣтившимися имъ благими исключеніями, впали въ странную ошибку; они прославили Коранъ (Мухаммеда) за добродѣтели, которыя существуютъ вопреки его вліянію, они восхвалили исламизмъ за результаты, которые напротивъ происходятъ отъ противодѣйствія его правиламъ; однимъ словомъ они приняли за законъ рѣдкія неправильности, они смѣшали причину и начало съ тѣмъ, что есть именно ихъ отрицаніе. Справедливость требуетъ признать, что въ странахъ мусульманскихъ то, что достойно похвалъ, есть дѣло стремленій враждебныхъ исламизму, между тѣмъ какъ гнусные пороки, слишкомъ часто оскверняющіе лучшія природныя качества и жилище каждаго малѣйшаго частнаго человѣка въ странахъ, пораженныхъ лжеученіемъ Корана, суть неизбѣжныя произведенія повержденія, порожденныя унизительнымъ игомъ и рабствомъ мухаммеданскаго вѣроученія... Пальгрэвъ свидѣтельствуетъ также, что уклоненіе мухаммеданъ отъ Ислама скорѣе всего могло произойти именно чрезъ сближеніе съ христіанами, чрезъ сравненія мухаммеданства съ христіанствомъ, и опасность поглощенія, разрушенія мухаммеданства грозила всего болѣе со стороны христіанства. «Исторія мухаммеданскихъ аскетическихъ братствъ и тайныхъ мистическихъ сектъ, появившихся (и появляющихся) послѣ Мухаммеда, достаточно показываетъ, сколько разъ мухаммеданство готово было ра-

спасться, разрушиться отъ проникновенія въ него христіанскихъ идей.»[1]) На той же стран. 51 статьи «Роль исламизма въ исторіи», Знаніе говоритъ еще также, что: «Исламизмъ войска (мухаммеданскаго) находится въ большомъ соотвѣтствіи съ первоначальнымъ смысломъ поученій пророка; въ немъ болѣе самоотверженности, болѣе идеализма.—Пальгревъ же вездѣ доказываетъ, что этотъ смыслъ поученій лжепророка Мухаммеда «безправственъ, безжизненъ, чудовищно-нечестивъ, гнусно-развратенъ, разрушительно мертвенъ.» Наконецъ, напримѣръ, на стран. 63—65 Знаніе также совершенно, противоположно свидѣтельствамъ Пальгрэва объявляетъ, что: «Сто лѣтъ тому назадъ положеніе (мухаммеданствующей) Турціи было несравненно печальнѣе настоящаго. Все грозило тогда гибелью исламу; на горизонтѣ собралось множество разнородныхъ враждебныхъ силъ, и блескъ мусульманскаго полумѣсяца казался совершенно померкшимъ... Среди турокъ, туркменовъ, курдовъ, арабовъ и мавровъ—уваженіе къ Корану ослабѣло, и Мекка начинала те-

[1]) Вотъ подлинныя слова Пальгрова: «L'abaissement des intelligences, la corruption des moeurs, la guerre au dehors, au dedan la discorde sous toutes les formes exercant leurs ravages dans la famille, dans la société, dans l'Etat; les convulsions du fanatisme alternant avec une torpeur letargique, une prosperite passagère suivie d'une longue décadence, tel est le tableau que presente l'histoire des races mahometanes... Des écrivains de merite, trompes par les heureuses exceptions qu'il ont eues sous les yeux, ont commis une etrange méprise: ils ont fait honneur au Coran des vertus qui existent en depit de son influence, ils ont loué l'islamisme pour des resultats qui proviennent au contraire d'une reaction contre ses doctrines; en un mot, ils ont pris pour la regle de rares anomalies, ils ont confondu le principe avec ce qui en est la négation formelle... Il est juste de reconnaitre que, dans les pays musulmans, ce qui merite nos eloges est l'oevre d'une tendance hostile à l'islamisme, tandis que les vices odieux qui trop frequemment souillent les meilleurs qualités natives... et la demeure des moindres particuliers dans les pays trappes de la malediction du Coran,... sont l'inevitable resultat de la degradation produite par un joug avilissant... L'islamisme etait en danger de se confondre dans le grand courant chretien... L'histoire des confreries ascetiques et des sectes secrétes de l'Orient, depuis les Dardanelles jusqu'à l'Indus, procesent combien de fois le mahometisme a ete sur le point de se dessoudre par suite de l'infiltration des idees chretiennes. (t. 2, p. 41, 42, 40, 37, 199, 220, 234, 285, etc. etc.).

рять свое значеніе;... мечети были въ развалинахъ и почти не видали богомольцевъ, а публичныя школы, гдѣ должны были преподаваться магометанскіе догматы и законы, влачили жалкое и бѣдное существованіе. Повидимому, наступило время полнаго затмѣнія эмблемы мусульманства. Но теперь по прошествіи ста лѣтъ, мы видимъ иную картину. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось: новыя общественныя школы возникаютъ повсюду... Въ прежнее время главное мѣсто въ нихъ было отдано европейскимъ языкамъ, всеобщей исторіи, математикѣ, естественнымъ наукамъ и т. п.; эти школы одинаково посѣщались дѣтьми магометанъ и христіанъ, и главнымъ назначеніемъ ихъ было сблизить подрастающее поколѣніе съ народомъ (какимъ это?!?...) и идеями запада. Это было 20 или 15 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время изъ ста дѣтей, посѣщающихъ эти школы, мы едва найдемъ одного христіанина... Европейскіе языки и европейскія науки исчезли изъ этихъ школъ; онѣ вполнѣ проникнуты исламизмомъ... Въ арміи и во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія мусульманскій элементъ постепенно вытѣсняетъ христіанскій... Мусульманскій духъ (выше показано какой безчеловѣчный и разрушительный) усиливается въ арміи... Въ тоже время съ каждымъ годомъ возрастаетъ число богомольцевъ, посѣщающихъ священныя мѣста Ислама; движеніе это главнымъ образомъ обязано увеличенію ревности къ вѣрѣ. Это возрожденіе чувствуется во всѣхъ слояхъ общества и во всѣхъ народностяхъ: туркахъ, туркменахъ, курдахъ, арабахъ и проч. Имя Ислама является на столько связующимъ, что предъ нимъ должны (?!) умолкнуть всѣ различія сектъ и ученій, и часто самыя еретическія секты сливаются съ самыми правовѣрными магометанами»...—Но множество точныхъ описаній дѣйствительности въ путешествіи по внутренней Аравіи Пальгрэва, какъ напримѣръ на стран. 15, 66, 119—123, 148, 158, 219,

280 тома 1-го и стран. 51, 52, 78, 79, 37, 40, 41, 42, 199 220, 231 тома 2-го, свидѣтельствуютъ совершенно противоположное[1]).—Всю же статью свою объ исторической роли и современномъ значеніи «Ислама», въ которой «Знаніе» по его научнымъ увѣреніямъ слѣдуетъ будто Пальгрэву, оно заключаетъ на стран. 65—66 слѣдующею тирадою: «Припомнивая все сказанное нами, мы должны придти къ заключенію, что какія бы несовершенства и недостатки ни заключалъ въ себѣ Исламъ, его нельзя признать лишеннымъ жизненности». —Послѣ вышеозначенныхъ достоинствъ и практическихъ заслугъ, приписанныхъ Знаніемъ «Исламу», заключеніе это еще слишкомъ скромно. Но чтобы достигнуть и его, хотя-бы только на страницахъ своего критико-библіографическаго журнала, «Знаніе» приписало Пальгрэву не принадлежащія ему мнѣнія объ Исламѣ и пропустило подробныя подлинныя свидѣтельства о немъ Пальгрэва, потому что всѣ онѣ совершенно противоположны вышеуказаннымъ мыслямъ «Знанія». И противъ самого заключенія «Знанія» Пальгрэвъ неоднократно и настойчиво свидѣтельствуетъ и доказываетъ, что: «исламизмъ по своей природѣ неподвижный, безплодный, оледенѣлый, лишенъ жизни,—не допускаетъ никакого видоизмѣненія, никакого развитія,—онъ мертвая буква... Христіанство жизненно, какъ его Богъ, а мухаммеданство напротивъ, не можетъ улучшать, давать ростъ и развитіе, потому что оно мертвенно... Между христіанствомъ и мухаммеданствомъ та великая разница, которая отличаетъ дѣятельность отъ бездѣйствія, любовь отъ эгоизма, жизнь отъ окаменѣнія»[2]).

[1]) Прочія записки публициста также представляютъ настоящее положеніе дѣлъ въ самомъ мрачномъ видѣ и доказываютъ, что конецъ чрезъ саморазложеніе, распаденіе этихъ мусул. имп. весьма близокъ. См. напр. журн. «Гражданинъ», 1875 г., № 7, стр. 179—180.

[2]) Вотъ подлинныя слова Пальгрэва: L'islamisme est stationnaire de sa nature, sterile, glacé, depourvu de vie; il repousse toute modification, tout developpement, —c'est une lettre morte .. Le christianisme est vivant comme son Dieu; le mahometisme, au contraire, est depourvu de vie, il ne peut pas progresser,

Итакъ, если англійскіе критики не могли, по словамъ «Знанія», опровергнуть свидѣтельства Пальгрэва объ мухаммеданствѣ, за то Петербургское научное и критико-библіографическое «Знаніе», къ глубокому стыду и прискорбію русской научной литературы, дважды нахально оболгало этого знаменитаго, глубоко-христіанскаго, ученаго оріенталиста. Ловко прикрывшись уважаемымъ и на западѣ авторитетомъ Пальгрэва въ весьма важномъ и для всего христіанскаго міра вопросѣ объ мухаммеданствѣ «Знаніе», какъ построчно уже показано выше, мало того, что оболгало Пальгрэва въ 1873 году, выдавъ чуждыя противоположныя Пальгрэвовымъ понятіямъ объ Исламѣ за его мнѣнія,—оболгало его еще и въ текущемъ 1875 году изданіемъ замѣчательнаго его путешествія по внутренней Аравіи подъ точнымъ именемъ «перевода съ англійскаго», но утаивъ, пропустивъ въ немъ свидѣтельства Пальгрэва, доказывающія крайнюю безнравственность и чудовищность мухаммеданства, какъ религіи, и глубокую вредность, разрушительность его, какъ ученія и учрежденія не только религіознаго, но нераздѣльно и политическаго, государственно-гибельнаго. Но помимо чрезвычайной неприличности такого обманывающаго образа дѣйствій «Знанія», какъ органа, именующаго себя «научнымъ и критико-библіографическимъ», вышеозначенное его мухаммеданствующее направленіе является весьма вреднымъ еще въ особенности въ настоящіе дни въ нашемъ искони христіанскомъ отечествѣ, какъ органа именно русской печати, русскаго отечества. Припомните, что въ одной только европейской Россіи болѣе пяти милліоновъ мухаммеданствующихъ инородцевъ, которыхъ Исламъ до сихъ поръ держитъ въ упорномъ

il ne peut pas grandir... Il a, entre le christianisme et l'islamisme, toute la difference qui separe le mouvement de l'immobilité, l'amour de l'egoisme, la vie de la pertification». (t. 1, p. 328, 329, 323, 158; t. 2, 35—42, 61 etc etc.).

отчужденіи отъ всего русскаго. Мухаммеданская ересь у насъ и нынѣ составляетъ, — по всеобщему свидѣтельству русскихъ ея изслѣдователей, — главное звено, посредствомъ котораго инородческо-мухаммеданское населеніе въ Россіи составляетъ въ государствѣ религіозное, враждебное въ Россіи, государство, которому подчиняется вся жизнь этихъ инородцевъ, ихъ дѣятельность и направленіе[1]). Но фанатичное мухаммеданство у насъ не довольствуется еще и этимъ, а всѣми силами явной и тайной систематичной энергической пропаганды старается привлечь и привязать и всѣхъ прочихъ русскихъ инородцевъ къ своему суевѣрію, быту и политическо-государственнымъ азіатскимъ симпатіямъ, крайне враждебнымъ всему русскому. Обильное мечетями и школами, сильное, стойкое фанатичнымъ единодушіемъ своихъ послѣдователей и многочисленностію своего духовенства въ Россіи, мухаммеданство даже и по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ «является (у насъ и теперь) настолько въ качествѣ религіи терпимой, которой подобаетъ смиреніе, сколько въ качествѣ религіи воинствующей и постоянно стремящейся къ новымъ завоеваніямъ»[2]). Поэтому-то именно въ настоящіе дни отступничество даже крещеныхъ инородцевъ отъ русскаго христіанства во враждеб-

---

[1]) Матеріалы для этнографіи Россіи — Казанск. губерн. А. Ритиха. 1870, часть 2, стр. 5, 6, 9, 10, 15, 13, 14 и мн. проч.; Матеріалы для географ. и статистики Россіи — Казан. губерн. М. Лаптева. 1861, стр. 231—232 и проч.; О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи. Е. Малова. 1868. Духъ христіанина, 1855, Февраль—О необходимости противомусульманской миссіи. Инородческое населеніе прежняго Казанск. царства и положеніе его въ Сѣв.-Восточ. Россіи. И. Опрсова. 1866 — 1869. Отношеніе мухаммеданства къ образов. крещен. татаръ. И. Остроумова и проч. и проч.

[2]) Журналъ Министер. Народн. Просв 1872, № 4, час. 134, стран. 76, 79 и проч. Списки населен. мѣстъ Росс. Имп. состав. въ 1866 г. центр. комитет. Министер. Внутр. Д.—Казанск. губ. Общія свѣд. стр. XL и проч., о закладкѣ дома и Акты открыт. Казан. Учит. Семин. перепеч. изъ Каз. Губ. Вѣд. 1872 г.; Отчетъ о дѣят. брат. Св. Гурія Казанск. за 1870—71 и проч. года; Соображенія объ образов. инородц. Казан. Учебн. Округа въ представленіи попеч. Казан. Окр. Министер. Нар. Просв. въ Дек. 1869 г. № 379. Извлечен. изъ всеподд. отчета Оберъ-Прок. Св. Синода по Вѣд. Прав. Исп. за 1871 г. стр. 43 и проч., за 1866, стр. 26 и проч. и проч.

пое всему русскому мухаммеданство проявляется съ особенною силою и продолжаетъ все увеличиваться[1]) въ приволжскихъ областяхъ восточной Россіи. И при такихъ-то обстоятельствахъ, и при вышеизложенномъ распространеніи въ переводѣ на русскомъ языкѣ антихристіанскаго духа и направленія сочиненій объ мухаммеданствѣ западныхъ научныхъ поклонниковъ лжепророка Мухаммеда—Петербургскому, авторитетному для провинцій, именно какъ Петербургскому, научному изданію (еще слава Богу, не смѣющему прямо и открыто) дѣйствовать хотя-бы даже и косвенно, какъ дѣйствуетъ «Знаніе», въ пользу мухаммеданскаго, крайне христіанству и Россіи враждебнаго, лжеученія весьма неодобрительно и вредно. Духовному и свѣтскому правительству Русскому и безъ того чрезвычайно трудно справляться съ лукавою и разрушительною антирусскою пропагандою мухаммеданства; историческо-народный символъ всего русскаго—православное христіанство и безъ того достаточно отсутствуетъ содержаніемъ въ большинствѣ современнаго заправляющаго нашего общества, литературы и даже въ школѣ и жизни. Зачѣмъ же литература и научная русская дѣйствуетъ теперь въ лицѣ «Знанія» такъ противно закоппому историческому духу русскаго народа и государства?!.. Вѣдь не можетъ же и не должно не знать научное и русское «Знаніе», что христіанство и церковь христіанская всегда были для русскаго народа и жизни животворнымъ и самымъ дорогимъ основнымъ началомъ, высшимъ и самымъ любимымъ идеаломъ. Въ этомъ идеальномъ началѣ уже десять вѣковъ черпала Россія все истинно-высокое для своей величественной духовной жизни: и любовь къ человѣчеству, и любовь къ Царю и отечеству,

[1]) Смотр. паприм. Журн. Мисс. 1871 г. № 11 Отпад. крещен. тат. отъ православ. стр. 114—115.

и истинное просвѣщеніе, и несокрушимыя силы для борьбы внѣшней и внутренней съ препятствіями къ осуществленію этихъ свѣтлыхъ ея стремленій. Этотъ источникъ любви, свѣта, силы и величія искони былъ неизсякаемъ, какъ неизсякаемъ Самъ истинный Богъ христіанскій; изъ поколѣнія въ поколѣніе каждый русскій черпалъ изъ дивнаго этого источника, сколько могъ, и доблестно, по мѣрѣ силъ, исполнялъ свои гражданскія задачи. А вѣдь христіанство и церковь христіанская, какъ всесодержательный и неисчерпаемый идеалъ, отвѣчающій на всѣ потребности души человѣческой и въ особенности истинно-русской души,—тѣ же въ Россіи и теперь, какъ были и древле, въ первобытной ихъ чистотѣ, величіи и содержаніи. Только современное руководящее объиностранившееся наше общество, кромѣ одного внѣшняго обрядоваго общенія съ христіанскою русскою церковью, стало теперь чуждаться этого мощнаго древне-русскаго начала, стало избѣгать и бояться искренняго внутренняго общенія съ русскою христіанскою церковью, и вмѣсто этого требуетъ нынѣ отъ нея самой безусловной покорности современнымъ шаткимъ и ограниченнымъ только утилитарнымъ стремленіямъ и разрушительнымъ западнымъ понятіямъ. Но жизнь, десятивѣковая величественная историческая жизнь русскаго народа указываетъ и требуетъ истинно-русскаго самобытнаго, созидающаго и животворнаго начала—религіи христіанской. Зачѣмъ же литература не фельетонная, а научная русская литература, между прочимъ и вышеуказанными антирусскими, антинаучными дѣйствіями «Знанія»,—не только потворствуетъ незаконнымъ противонароднымъ стремленіямъ объиностранившейся части нашего общества, но даже и сама еще силится увлечь общество русское въ нѣчто иное, чѣмъ требуетъ русская жизнь, призываетъ къ возрѣніямъ и ученіямъ враждебнымъ истинно-русскому духу и къ индифферентизму

религіозному и нравственному?... Духъ жизни народа русскаго есть духъ консервативный, хранящій преданія, любящій прошлое своей старины, и сколь ни кажется онъ слабымъ въ настоящіе дни лихорадочной у насъ дѣятельности, однако далеко еще неизсякъ, еще живъ и не замедлитъ отрезвить истинно-русское общество и тогда-то оно, сознавъ всю вредность антирусскаго направленія и дѣйствій «Знанія» и подобныхъ ему дѣйствующихъ изданій, единодушно заклеймитъ ихъ органами Россіи чуждыми, нерусскими; — нельзя быть русскимъ, не нося въ себѣ духа исторіи государства русскаго, духа великой жизни народа русскаго, духа и дѣятельности христіанской ревности!... Наконецъ и наука истинная искони сознавала и признаетъ теперь, что въ ряду занимающихъ человѣка вопросовъ не должны быть чужды его вниманію вопросы религіозные. Это по существу дѣла самые живые, самые содержательные и самые важные для человѣка вопросы. Такъ что, дѣйствуя въ этихъ вопросахъ такъ лукаво и лживо, какъ дѣйствуетъ въ нихъ, по вышеприведеннымъ указаніямъ, Петербургское современно-научное «Знаніе«,—приличнѣе приложить ему къ себѣ и эпитеты, выражающіе его антихристіанскія, антирусскія направленія и дѣйствія, а не называться чуждымъ его духу дѣятельности именемъ «научнаго» журнала, какъ оно горделиво и обманчиво это дѣлаетъ теперь. Наука, наука истинная, добросовѣстная,— не только дѣло, но и слово великое и профанировать его не слѣдуетъ....

Возстановленіе истиннаго понятія объ мухаммеданствѣ и объ нравственномъ и религіозномъ состояніи аравійскихъ арабовъ[1]), составляетъ главную цѣль замѣчательнаго сочиненія Пальгрэва «Une année de voyage dans l'Arabie cen-

[1]) Palgrave, t. 1, pref. 2—3.

trale»—а я въ нижеслѣдующемъ очеркѣ излагаю обнаруженныя Пальгрэвомъ въ разныхъ мѣстахъ его труда, характеристическія черты коренныхъ основъ ученія арабскаго реформатора седьмаго вѣка по Рождествѣ Христовомъ, лжепророка Мухаммеда и его послѣдователей, современныхъ намъ мухаммеданъ,—черты, вполнѣ раскрывающія всю чудовищность и вредность мухаммеданскаго міровоззрѣнія, а также и отношеніе религіозныхъ и бытовыхъ началъ мухаммеданства къ христіанству.

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ и обстоятельствамъ въ православно-миссіонерскомъ отношеніи у насъ очеркъ этотъ является весьма важнымъ, особенно въ настоящее время,—время оживленнаго возбужденія давнихъ и часто не удававшихся стремленій духовнаго и свѣтскаго русскаго правительства просвѣтить и обрусить многочисленныхъ восточныхъ инородцевъ мухаммеданъ нашего отечества. Люди сторонніе къ обрусенію и христіанскому просвѣщенію мухаммеданствующихъ инородцевъ и знакомые слишкомъ поверхностно, не достаточно и только издали съ этимъ труднымъ и многосложнымъ вопросомъ, злоупотребляютъ гласностію и часто[1]) несправедливо сваливаютъ всю вину безуспѣшности этого святаго дѣла только на мѣстныхъ лицъ, непосредственно въ немъ дѣйствовавшихъ, и нынѣ ревностно дѣйствующихъ. Многіе другіе у насъ еще до сихъ поръ считаютъ мухаммеданство, если не либеральнымъ, то все таки безвреднымъ ученіемъ, почему, извращая дѣйствительность, стараются обществу и правительству внушить живое расположеніе къ мухаммеданству и несочувствіе къ соотвѣтственнымъ этому ги-

1) «Татарскій вопросъ». Недѣля 1871 г. Декабрь, № 26, стран. 867; Бесѣда 1872 г. № 2, стран. 202, № 3, стран. 79»; Крещане». Гражданинъ, 1872 года Декабрь, № 32, стран. 495. Московск. Вѣдом. 1874 г., № 31, Февр. 1-го, стр. 5. По поводу 69 Отчета Британ. Библейск. Общества.

бельному лжеученію противодѣйствіямъ. А нижеслѣдующій очеркъ фактически раскрываетъ, какъ мухаммеданство само въ себѣ, по основамъ своего міровоззрѣнія, полно сильныхъ элементовъ, крайне враждебныхъ христіанскому просвѣщенію и даже всякому европейскому государственному строю.

Для того же, чтобы вѣрность мыслей Пальгрэва была еще болѣе очевидною, тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ общихъ основахъ и характеристическихъ понятіяхъ мухамеданства, я съ одной стороны добавилъ ихъ буквальнымъ текстомъ изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ Корана арабскаго лжепророка Мухаммеда, а съ другой—въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ я помѣстилъ свидѣтельства многихъ прочихъ почтенныхъ изслѣдователей Ислама, которые и повсемѣстными практическими послѣдствіями примѣненія этихъ понятій мухаммеданства вполнѣ подтверждаютъ справедливость Пальгрэвовыхъ объ немъ свидѣтельствъ.

Орелъ.
1875 годъ.

«Ce qu'il nous importe de savoir en ce moment, c'est l'idée dominante, la pensée mère de laquelle découle le systéme entiers la clef de voûte en un mot du Mahometisme tel que Mahomet l'avait conçu et que ses disciples l'ont compris».

«L'antipathie profonde de Mahomet contre le christianisme, le désir de lui creer une opposition éternellements durable, de tracer une ligne de démarcation entre ses disciples et ceux de Jésus, ont été les veritables motifs qui ont inspiré sa conduite... En un mot, mettre sa religion et ses disciples en désaccord complet avec le christianisme et les chrétiens, tel fut le but principal de Mahomet, et il reussit parfaitement à l'atteindre».

W. G. Palgrave.

Исходная мысль ученія основателя мухаммеданства,— Мухаммеда сына Абдаллы, — существенно-основное начало, коренное понятіе, на которомъ зиждется, которымъ проникнуто мухаммеданское вѣроученіе, заключается въ краткихъ словахъ мусульманскаго Корана: «La Ilah illa Allah»,[1]) то есть «Нѣтъ другаго Бога, кромѣ Аллаха»[2]).

Замѣчательныя эти слова, находящіяся не только въ каждой главѣ, но и почти на каждой страницѣ мухаммеданскаго Корана и повторяемыя такъ часто на востокѣ и вездѣ всякимъ мусульманиномъ, имѣютъ гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ придаютъ имъ обыкновенно европейцы-хри-

[1]) Palgrave, t. 1, p. 332. La Ilah illa Allah.—Тѣ немногія краткія мысли, которыя Пальгревъ въ своемъ описаніи выражаетъ арабскими словами, я, прилагая къ нимъ и переводъ, также передаю и на арабскомъ языкѣ, потому что въ этихъ случаяхъ Пальгревъ настаиваетъ на значеніи, на смыслѣ ихъ именно на арабскомъ языкѣ, который есть единственный, исключительный богослужебный языкъ всѣхъ вообще мухаммеданъ.

[2]) Коранъ, гл. V, ст. 77; VI, 102, 106; XX, 7, 14; и проч., въ Коранѣ Мухаммеда, перев. съ Арабск. на Франц. Казимирскимъ, а на русск. К. Николаевымъ, изд. 2-е, 1865 года, стран. 86, 224 и проч.

стіане. Слова эти отрицаютъ въ Богѣ не только всякую множественность по существу и въ лицахъ, установляютъ не только просто единство Божіе, но на арабскомъ языкѣ слова эти содержатъ въ себѣ еще и тотъ смыслъ, что одинъ только Богъ есть дѣятель всего существующаго, единственная дѣйствующая сила вселенной, въ которой кромѣ Бога и нѣтъ иной силы, иного начала, и что всѣ творенія, какъ духовныя и разумныя, такъ и вещественныя — отъ архангела до самомалѣйшей частицы какой-нибудь пыли, — вполнѣ только страдательны, не имѣютъ никакой свободы, суть только слѣпыя орудія Бога[1]). Положеніе: «La Ilah illa Allah» вкратцѣ, сжато выражаетъ всю систему мухаммеданства, которую, за недостаткомъ болѣе точныхъ опредѣленій, можно назвать «пантеизмомъ силы»[2]), потому что, по ея ученію, вся дѣятельность заключается собственно только въ Богѣ, который только одинъ есть дѣйствительный ея двигатель, всецѣло ее поглощающій, такъ какъ все остальное, всякое дѣло, всякій предметъ, каковы бы они ни были, все прошедшее, настоящее и будущее вселенной заранѣе неизмѣнно предопредѣлено мухаммеданскимъ Богомъ и вполнѣ зависитъ исключительно только отъ Его безусловнаго и произвольнаго предрѣшенія: «Нѣтъ ничего тайнаго на небесахъ и на землѣ, что бы не было записано въ явной (небесной) книгѣ (предвѣчныхъ предопредѣленій Бога)» — увѣряетъ лжепророкъ Мухаммедъ въ Коранѣ[3]).

Этотъ единый свободный двигатель вселенной по отношенію ко всѣмъ своимъ твореніямъ не знаетъ иного побужденія, кромѣ произвольной, себялюбивой собственной воли, и въ свободное распоряженіе сотворенныхъ онъ не даетъ

---

[1]) Palgrave, t. 1, p. 322.
[2]) Palgrave, t. 1, p. 322.
[3]) Коранъ. XLIV, 3; LIV, 52, 53; XXVII, 77.

ничего, потомучто и дѣянія и способности, которыми онѣ какъ будто располагаютъ, существуютъ только въ немъ одномъ. Ничего же и не принимаетъ онъ отъ своихъ твореній, такъ какъ, чтобы онѣ ни совершали, дѣлаютъ онѣ только чрезъ него, только по его опредѣленію[1]). Отсюда опять одинъ только Богъ есть причина всякаго созиданія и разрушенія, всякаго благочестія и заблужденія, добра и зла, которыя сами по себѣ безразличны потому, что въ подобномъ ученіи безусловнаго, кромѣ одного только Бога, нѣтъ, не существуетъ ничего, а все видоизмѣняется сообразно только одному произволу единаго всепоглощающаго самодержца — Бога: «Kema yeshao», то есть—предметы таковы, какими угодно Богу, чтобы они были[2])—утверждаетъ Коранъ. Какъ въ мірѣ физическомъ,—продолжаетъ онъ,—такъ и въ мірѣ существъ разумныхъ и духовныхъ распоряжается одинъ только Богъ и при томъ совершенно произвольно, только «какъ хочетъ», дѣлая только «что хочетъ». «Вѣщай,—объявляетъ мухаммеданскій Богъ Мухаммеду,—вѣщай: всякое дѣло зависитъ отъ Бога.... Сердцамъ совратившихся съ истиннаго пути Богъ повелѣлъ совратиться. Богъ вдохнулъ безуміе и благочестіе. Богъ заблуждаетъ, кого хочетъ, и направляетъ, кого хочетъ».—Для геенны мы (то есть Богъ) сотворили великое число геніевъ и людей: у нихъ сердца, которыми они ничего не понимаютъ; у нихъ глаза, которыми они ничего не видятъ; у нихъ уши, которыми они ничего не слышатъ. Они какъ скоты и заблуждаются даже еще больше скотовъ.... Богъ заблуждаетъ того, кого хочетъ, и ведетъ того, кого хочетъ, на путь правый.... Онъ заботится о направленіи на путь. Если бы онъ захотѣлъ, то направилъ бы всѣхъ... Есть

[1]) Palgrave, t. 1, p. 323.
[2]) Palgrave, t. 1, p. 322–323.

такіе, которыхъ Богъ направилъ, есть другіе, кои опредѣлены на заблужденіе. Богъ не направляетъ болѣе того, кого заблудилъ.... Если бы мы (то есть Богъ) захотѣли, то дали бы всякой душѣ свое направленіе пути, но Мое неизмѣнное слово было такое: Я наполню геенну людьми и геніями вмѣстѣ!.. Все происходитъ отъ Бога... Убиваете ихъ (невѣрныхъ, то есть не мухаммеданъ) не вы, а Богъ. Когда бросаешь копье, не ты бросаешь—это—Богъ»!... твердитъ Мухаммедъ въ Коранѣ[1]). Поэтому между всѣми сотвореннымн

[1]) Коранъ, XXX, 47; XIV, 32, 4; LXI, 5, III, 14, 8; IV, 80; XCI, 8; XXXV, 9; VII, 178; VI, 39; XVI, 9, 38, 39, 95; XXXII, 13; VIII, 17; и многр. проч. На этомъ-то основаніи, весьма тѣсно соединяемая у мусульманъ съ единствомъ Божіимъ, идея всевластія и предопредѣленія Божія выражается въ мухаммеданской догматикѣ словами: «Вѣрую... въ предопредѣленіе добра и зла отъ всевышняго Бога». И по ученію всѣхъ позднѣйшихъ, современныхъ намъ, мухаммеданъ «Богъ одинъ есть собственно дѣятель во вселенной. Отъ Него зависятъ въ жизни и дѣятельности своей всѣ существа; безъ Его воли ничего не совершается въ мірѣ. Какъ Онъ хочетъ, такъ и бываетъ. Разумносвободныя существа также рабольпно склоняются предъ всевластіемъ Божіимъ, какъ и не разумныя; чему Онъ опредѣлилъ быть, такъ и бываетъ... Богъ,—да будетъ Онъ превознесенъ!—силенъ былъ сотворить все находящееся, потому, ясно какъ солнце, Онъ можетъ дѣлать изъ сотвореннаго то, что захочетъ... Богъ можетъ настоящій міръ и будущій со всѣми находящимися въ нихъ лицами и вещами уложить въ одну орѣховую скорлупу, и при этомъ оба міра эти не умалятся, а орѣховая скорлупа не увеличится... И если въ чью-либо ногу или руку воткнется колючка, или если даже муравей ступитъ на землю, или песчинка, находящаяся въ полѣ, отдѣлится отъ своего песка — все это совершается по волѣ Божіей: Богъ знаетъ отдѣляющуюся отъ песка крупинку, знаетъ, гдѣ ступилъ муравей.... Отъ Бога совершаются всѣ дѣла, все отъ Бога... Все одушевленное и неодушевленное, бывшее и не бывшее, все, что находится въ настоящемъ и будущемъ мірѣ, все зависитъ отъ всемогущества и предопредѣленія всевышняго Бога. Все, что случается съ людьми: доброе, худое, несчастіе, бѣдность, честь, ничтожество, понятливость, воля мужская и женская, все это по всемогуществу и предопредѣленію всевышняго Господа и написано въ ляух-уль-мах-фуль (небесная скрижаль), на которой все, что было, и бывшее, и сущее, и имѣющее быть—написано.—Всѣ дѣла человѣческія, всѣ ихъ слова, хотя бы эти слова были ложныя или справедливыя, зависятъ отъ предопредѣленія всевышняго Бога. Всевышній Богъ сотворилъ насъ,—также творитъ и дѣла наши. Хотя бы дѣйствія наши были злыя, всѣ они сотворены всевышнимъ Богомъ, т. е. однимъ словомъ: всевышній Богъ сотворилъ невѣріе невѣрныхъ, праведность праведныхъ, нечестіе нечестивыхъ и лицемѣріе лицемѣрныхъ,—все это по намѣренію и неизбѣжному опредѣленію всевышняго Бога. Смот. Опытъ изложенія мухаммеданства. Соч. А. Леопольдова, въ Миссіон. Противомусульм. Сборн. издав. при Казан. Дух. Акад., выпускъ 2-й, изд. 1873 год. стран. 38—40, 28.

существами и предметами нѣтъ и не можетъ быть никакого ни различія, ни превосходства,—всѣ равно порабощены, всѣ глубоко унижены. Всѣ и люди суть только слѣпыя орудія единственно дѣйствующей Аллаховой самопроизвольной силы, которая употребляетъ ихъ для разрушенія или созиданія, для служенія истинѣ или заблужденію, для распространенія благосостоянія или страданія, — не сообразно ихъ отдѣльнымъ, частнымъ, особеннымъ свойствамъ и наклонностямъ, а просто случайно только потому, что такова произвольная воля мухаммеданскаго божества[1]).

[1]) Palgrave, t. 1, p. 323. Освященіе такого міровоззрѣнія, внушеніе такихъ вредныхъ понятій цѣлымъ народамъ не можетъ оставаться безъ гибельныхъ послѣдствій. И дѣйствительно ученіе объ этомъ фатализмѣ мухаммеданскаго предопредѣленія произвело глубоко-разрушительное дѣйствіе въ племенахъ его исповѣдующихъ. «Предопредѣленіе простирается на духовное существо человѣка: поэтому силы духа, находясь подъ вліяніемъ фатализма, развиваются неудовлетворительно, теряютъ самостоятельность, изчезаетъ стремленіе къ совершенствованію себя. Съ другой стороны фатализмъ, роняя душевныя силы, внушаетъ иногда человѣку отчаянную рѣшимость, производящую подвиги, но начало, изъ котораго проистекаютъ такія дѣянія, нисколько не нравственное, совершенно уничтожаетъ цѣну героизма.... Цѣлыя націи, въ надеждѣ на фатализмъ, предаются убійственной летаргіи, приписывая все верховной волѣ Вѣчнаго, невидимой рукѣ судьбы, управляющей и дѣлами въ жизни человѣка и событіями въ жизни цѣлаго народа. Неудачи въ государственныхъ дѣлахъ и маленькія непріятности въ частной жизни равно объясняются предопредѣленіемъ, для котораго существуютъ на небесахъ особенныя доски».... (Смот. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. П. Березина, въ Отеч. Запискѣ. томъ XCVIII, отд. 11, стран. 25, 26). «Предопредѣленіе — это источникъ усыпленія или опѣмѣнія воли, въ которомъ находятся всѣ мухаммедане: совершенно препоручая себя произволу Божію, они отказываются отъ правъ своей свободы и равнодушно ожидаютъ всѣхъ бѣдствій и превратностей. У нихъ все относится къ произволенію Всевышняго; все принадлежитъ невидимой рукѣ Божіей, располагающей даже стопами каждаго смертнаго. Видя свое имущество гибнущимъ въ огнѣ, видя человѣка, умирающаго отъ заразы, мореходца, поглощаемаго волнами по неискусству кормчаго, больнаго, жестоко страждущаго отъ невѣжества врача, — мухаммедане смотрятъ на все это самымъ равнодушнымъ взоромъ. Наималѣйшій ропотъ въ подобныхъ случаяхъ считается ими невѣріемъ, преступленіемъ и богопротивнымъ сомнѣніемъ въ судьбахъ Божіихъ. Въ своемъ убійцѣ, въ виновникѣ своей нищеты мухаммеданинъ видитъ только орудіе воли божественной, исполняющей надъ нимъ непремѣнныя свои предопредѣленія, написанныя на челѣ каждаго еще прежде рожденія; слѣдовательно предотвращеніе ихъ выше всякой человѣческой мудрости, выше всякой человѣческой прозорливости и силы. (Смот. Опытъ изложенія мухаммеданства. Соч. А. Леопольдова, въ Миссіон. Противомусульм. Сборн. издав. при Казан. Дух. Акад., выпускъ 2-й, изд. 1873 г. стран. 51, 52).

Отсюда же естественно слѣдуетъ, что дѣйствія, почитаемыя людьми хорошими или дурными, похвальными или порочными, мухаммеданствомъ признаются совершенно безразличными; сами по себѣ онѣ не заслуживаютъ ни вознагражденія, ни наказанія, ни похвалы, ни порицанія[1]); онѣ не имѣютъ иной силы, иного значенія, какъ только тѣхъ, какія придаетъ имъ произвольная прихоть всемогущаго мухаммеданскаго тирана. Въ такой системѣ вѣроученія ни награда вѣчными прелестями рая, ни кара ужасными муками ада, вполнѣ независимы ни отъ заслугъ, ни отъ преступленій[2]). И единственнымъ непростительнымъ существеннымъ грѣхомъ признается только противное словамъ: «La Ilah illa Allah», то есть только посягательство на безусловное единодержавіе Бога, присоединеніе къ Богу Сына, помощниковъ, товарищей, оказываніе творенію почестей равныхъ съ Богомъ; «Богъ не проститъ, что къ Нему присоединили другихъ боговъ; Онъ проститъ другіе грѣхи, кому захочетъ»,— объявляетъ Коранъ[3]). Одинъ только грѣхъ умаленія самодержавія божества глубоко возмущаетъ мухаммеданскаго Аллаха, всѣ же прочіе, посягающіе не на него, какъ-бы велики и ужасны ни казались,—воровство и предательство, лжесвидѣтельство и даже убійство, — всѣ ничтожны, ко всѣмъ имъ

---

[1]) Поэтому-то и находится въ Исламѣ и тотъ весьма печальный принципъ, что умершій мусульманинъ, каковы бы ни были его заслуги, уже навсегда вычеркнутый изъ списковъ общества членъ; по предписанію (закона мусульманскаго) трауръ позволяется вдовѣ не больше, какъ на три дня. Только живое привлекаетъ на себя вниманіе живущихъ мухаммеданъ, что отжило, то изчезло навсегда. Никакія заслуги не вызываютъ памятниковъ, потому что статуи и портреты дѣло запрещенное; равнодушіе къ памяти умершихъ, уклоненіе отъ разговора о нихъ, общее мусульманскимъ національностямъ, объясняетъ и равнодушіе ихъ къ собственной исторіи, особенно замѣтное въ новѣйшее время». (Смот. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. И. Березина, въ Отеч. Записк. томъ XCVIII, отд. 11, стран. 25, 26).

[2]) Palgrave, t. 1, p. 324.

[3]) Коранъ, IV, 51; II, 21, 110; XIII, 36. XII, 38; VI, 81, 162; XXIX, 7; XIX, 36.

Богъ Ислама «милостивъ и милосердъ», лишь бы только его собственное право произвольнаго безусловнаго единовластительства оставалось неприкосновеннымъ, исправно было провозглашаемо[1]).

При всемъ этомъ однако мухаммеданскій Богъ не безстрастенъ. Непримѣримо, безусловно самовластный, въ одномъ только самомъ себѣ содержащій всю свободу и силу вселенной, онъ всегда завидуетъ своимъ слабымъ твореніямъ, страшится, чтобы онѣ не присвоили себѣ преимуществъ его самодержавнаго всемогущества. Поэтому онъ скорѣе жестоко наказываетъ, чѣмъ награждаетъ, охотнѣе опредѣляетъ всякую скорбь и печаль, чѣмъ посылаетъ радость, болѣе разрушаетъ, чѣмъ созидаетъ. Только себялюбивый и самодовольный Богъ Ислама любитъ тѣшиться, наслаждаться частымъ язвительнымъ напоминаніемъ своимъ тварямъ, что онѣ только ничтожные рабы Его, презрѣнныя Его орудія; Онъ любитъ давать имъ чувствовать, какъ велико Его могущество предъ

[1]) Palgrave, t. 2, p. 77, 78. Вѣра въ Единство Божіе, — самый первый, главный и существенный догматъ Ислама, — по мнѣнію мухаммеданъ, такъ важна, что безъ нея совершенно нѣтъ спасенія; всѣ самыя добрыя дѣла ихъ безъ соединенія съ этою вѣрою ничего не значатъ. Вѣрующій въ единство Божіе, мюхидъ, есть самый прекрасный рабъ Божій; а не вѣрующій, мюшрикъ, есть самое презрѣнное созданіе въ глазахъ Божіихъ. Нѣтъ лучшей добродѣтели, нѣтъ высшей заслуги предъ Богомъ, какъ вѣра въ единство Его, равно и нѣтъ большаго порока, тягчайшаго грѣха, какъ признаніе и исповѣданіе многихъ боговъ. Какъ за одно исповѣданіе единства Божія, при отсутствіи всѣхъ добродѣтелей, всякій мухаммеданинъ можетъ быть несомнѣнно увѣренъ въ наслѣдіи рая, такъ равно и при всѣхъ возможныхъ нравственныхъ совершенствахъ, но при отсутствіи только исповѣданія единства Божія, человѣкъ не избѣжитъ ада. Мухаммедане спасительность вѣры въ единство Божіе простираютъ даже до того, что утверждаютъ: если кяфиръ, всю жизнь свою проведшій въ невѣріи и глубокомъ развращеніи, за минуту до смерти искренно, съ убѣжденіемъ, признаетъ: «нѣтъ божества кромѣ Аллаха», то онъ непремѣнно наслѣдуетъ рай; не накажутся и получатъ извѣстную степень блаженства въ будущей жизни, по ихъ мнѣнію, и тѣ, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ рѣдко или даже одинъ разъ читали или слышали спасительное и знаменательное воззваніе: ля илаха илля ллагу. (Смот. Опытъ изложенія мухаммеданства. Соч. А. Леопольдова, въ Миссіон. Противомусульм. Сборн. издав. при Казан. Дух. Акад., выпускъ 2-й, изд. 1873 год. стр. 30—31).

ихъ безсиліемъ, какъ несравнима Его мощная, свободная воля съ ихъ тщетными желаніями[1]). Надмѣнный, злострастный, угрожающій людямъ страшными наказаніями, Богъ мухаммеданскій «мститель»—твердитъ Коранъ[2]).

Не смотря на всю крайность и неизмѣримую полноту своей исключительности, несравнимости и безусловности, не имѣя ни сына, ни товарища, ни совѣтника, этотъ чудовищный богъ не менѣе однако мертвенъ, пусть и скуденъ для самого себя, какъ и для всѣхъ прочихъ существъ[3]).

Таковы характеристическія черты существенно-коренного понятія Ислама о Богѣ, о мірѣ, и о человѣкѣ, понятія, служащаго основаніемъ всей системы именно того истинно-мухаммеданскаго вѣроученія, которое проповѣдывалъ самозванный аравійскій лжепророкъ Мухаммедъ сынъ Абдаллы. И сколь ни чудовищны, сколь ни омерзительны существенно основныя черты міровоззрѣнія такого вѣроученія, онѣ вытекаютъ однако изъ каждой страницы мухаммеданскаго Корана. Читавшіе и внимательно обдумывавшіе арабскій его текстъ,— арабскій потому, что переводы всѣ болѣе или менѣе измѣняютъ (къ лучшему) его подлинный, дѣйствительный смыслъ,— должны согласиться, что всякая строка, всякая черта вышепредставленнаго гнуснаго образа заимствована изъ Корана— книги почитаемой мусульманами святою[4]). Конечно и Коранъ не вовсе лишенъ нѣкоторыхъ довольно чистыхъ и высокихъ положеній, именно тамъ, гдѣ Мухаммедъ, забывая о чудовищныхъ видѣніяхъ и мнимыхъ откровеніяхъ, о своемъ воображаемомъ пророчествѣ, говоритъ свободнымъ человѣколюбивымъ языкомъ простаго, истиннаго араба. Но выше въ крат-

[1]) Palgrave, t. 1, p. 323.
[2]) Коранъ, III, 3; V, 96; XIV, 48; II. 187.
[3]) Palgrave, t. 1, p. 323.
[4]) Palgrave, t. 1, p. 323—324.

комъ очеркѣ характеристическихъ чертъ коренныхъ основъ міровоззрѣнія истинно-мухаммеданскаго вѣроученія выставлены только главныя черты существенно-основнаго его начала; о положеніяхъ же Корана частныхъ, случайныхъ, противныхъ обще-основному его началу, не упомянуто именно потому, что онѣ составляютъ исключенія въ мухаммеданствѣ, второстепенны и парализуются фатальнымъ: «La Ilah illa Allah»[1]).

Нельзя однако также умолчать, оставить безъ вниманія тѣхъ изъ второстепенныхъ положеній міровоззрѣнія мухаммеданскаго вѣроученія, которыя направлены въ немъ именно противъ христіанства и которыя имѣютъ цѣлью установить твердую и очевидную преграду между истинно-Божественнымъ ученіемъ Христа Спасителя и суевѣріемъ аравійскаго лжепророка,—внушить мухаммеданамъ самое сильное отвра-

---

[1]) Palgrave, t. 1, p. 325. Природа человѣка—замѣчаетъ другой оріенталистъ,—гдѣ бы онъ ни былъ поставленъ, всегда представляетъ много хорошаго, много нравственнаго, такъ что и самые дикаря, чуждые малѣйшаго религіознаго развитія, въ моральномъ отношеніи руководимые природнымъ внушеніемъ, поступаютъ по правиламъ морали, хотя и ограниченной. Посему мы не видимъ никакой особенной заслуги въ нравственныхъ уставахъ Алкорана, хорошихъ, но въ то же время имѣющихъ фальшивое основаніе и потому нечеловѣчныхъ; если и въ поступкахъ дикаря проявляются похвальныя нравственныя побужденія, то какъ же не быть имъ и въ религіи, имѣющей притязанія на систему, на руководство всему человѣчеству и во всемъ? Чѣмъ же въ моральномъ отношеніи ниже Ислама восточно-азійскія вѣроученія? Ужъ конечно всякій, знакомый съ ними, скажетъ, что они далеко выше. За удивленіемъ, которымъ проникнуты къ нравственности Ислама защитники его, они не видятъ ни исключительной односторонности мусульманской морали, ни многихъ существенныхъ недостатковъ ея. Точку отправленія въ мусульманскомъ ученіи о морали составляетъ раздѣленіе всего человѣчества на двѣ категоріи; на мусульманъ, привиллегированныхъ людей, и не мусульманъ, обреченныхъ истребленію, или, какъ выражаются мусульманскіе законовѣды, на міръ, преданіе себя Богу «дар-уль-исламъ» и міръ вражды «дар-уль-харбъ». Далѣе, общая идея морали налагаетъ на мусульманина исполненіе разныхъ добродѣтелей только въ отношеніи къ мусульманину же; въ отношеніи къ немусульманамъ, послѣдователи Ислама обязываются ненавистью и отреченіемъ, а что касается до немусульманъ, то о нихъ Алкоранъ и не заботится, потому что они все же пойдутъ въ огонь вѣчный. Такова жестокая исключительность Ислама. (Смот. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Соч. И. Березина, въ Отеч. Зап. томъ XCVIII, отд. II, стр. 35, 32).

щеніе къ христіанамъ и сдѣлать послѣдователей Ислама недоступными для христіанства[1]).

Щедро одаренный чуткою, тонкою смѣтливостью лжепророкъ Мухаммедъ хорошо видѣлъ, что изъ извѣстныхъ ему и распространенныхъ въ Аравіи религіозныхъ ученій, опаснѣе всѣхъ для измышленнаго имъ суевѣрнаго ученія было христіанство[2]). Уклоненіе, переходъ мухаммеданъ къ совершеннѣйшимъ, истиннымъ понятіямъ, естественнѣе, скорѣе всего могъ произойти именно чрезъ ихъ сближеніе съ христіанами, и опасность поглощенія, разрушенія какъ мухаммеданства, такъ и самостоятельнаго единства Аравіи грозила болѣе всего со стороны именно христіанства[3]). Поэтому Му-

[1]) Palgrave, t. 2, p. 35.
[2]) Palgrave, t. 2, p. 35.
[3]) Palgrave, t. 2, p. 37. «Исторія мухаммеданскихъ, мухаммеданствомъ запрещенныхъ, аскетическихъ братствъ и тайныхъ мистическихъ сектъ послѣдующихъ лжепророку Мухаммеду столѣтій достаточно показываетъ, сколько разъ мухаммеданство готово было распасться, уничтожиться, рушиться даже отъ осужденнаго, сильно сѣсненнаго проникновенія въ него высшихъ идей христіанскихъ. Предметъ этотъ заслуживаетъ большаго, чѣмъ было до сихъ поръ, болѣе глубокаго изслѣдованія, но здѣсь не мѣсто входить въ его разсмотрѣніе». (Palgrave, t. 2, p. 37) Въ подтвержденіе справедливости этихъ мыслей Пальгрова вспомнилось мнѣ недавнее извѣстіе объ одной, возникшей въ наши дни изъ мухаммеданства, христіанской сектѣ: «Изъ всѣхъ мухаммеданскихъ сектаторовъ, — говоритъ англійскій докторъ Осма Чаплинъ въ Times'ѣ, — такъ называемые Мевели принадлежатъ къ числу самыхъ фанатичныхъ. Они не только не ѣдятъ и не пьютъ съ христіанами, но и разбиваютъ въ куски всякую посуду, бывшую въ употребленіи у христіанъ. При встрѣчѣ съ христіанами на улицѣ, эти мухаммедане, боясь осквернится отъ ихъ прикосновенія, подбираютъ всю свою одежду; а если предъ ними лежитъ книга, принадлежащая христіанамъ, то они берутъ ее щипчиками и бросаютъ далеко отъ себя, считая безчестіемъ прикоснуться къ ней.. Нѣкоторыя личности изъ секты стали доискиваться причинъ ея фанатизма; достали себѣ нѣсколько экземпляровъ Новаго Завѣта на арабскомъ языкѣ и начали съ усердіемъ изучать его. Результатомъ этого было то, что люди эти убѣдились въ евангельскихъ истинахъ, признали ихъ за настоящее Слово Божіе и приняли евангельское ученіе съ нѣкоторыми искаженіями. Ихъ ученіе, извѣстное подъ именемъ Бабъ-эль-Гукъ (Врата истины), въ нѣсколько лѣтъ нашло около 200,000 послѣдователей. Основатель его Бегей-Аллахъ. Коренные догматы секты: 1) Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій и Спаситель міра; 2) что Онъ умеръ и воскресъ; 3) что всѣ оправдываются чрезъ вѣру въ Него; 4) что возрожденіе необходимо для спасенія, и что Св. Духъ, дѣйствуя на сердце, производитъ это возрожденіе Они вѣруютъ въ пришествіе Христа, но только духовное.... Два года тому назадъ (въ 1869) Бегей-Аллахъ и ревностнѣйшіе его приверженцы заключены турецкимъ правительствомъ въ крѣпость, гдѣ находятся и до сихъ поръ». (Современ. Извѣст. 1871 г., Декабрь. № 332, стр. 3).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

хаммеду для охраненія измышленнаго имъ ученія нужно было съ одной стороны внушить своимъ послѣдователямъ твердое, всегда присущее убѣжденіе, что какъ его ученіе одно совершенно и истинно, такъ и исповѣдующіе оное вѣрные ему, только одни угодны Богу, одни достойны вниманія; а съ другой—какъ можно болѣе обособить, отдалить мухаммеданъ и мухаммеданство преимущественно отъ христіанства. Если необходимо было воздвигнуть между этими двумя ученіями неодолимую преграду, установить непримиримую разность, очевидную притомъ во всѣхъ обстоятельствахъ, во всѣхъ подробностяхъ даже обыденной жизни,—необходимо было внушить къ христіанству такое отвращеніе, которое способно бы было предохранить мухаммеданъ отъ всякихъ дружественныхъ и тѣсныхъ сношеній и сближеній съ христіанами[1]).

Для достиженія этой цѣли на каждый часъ каждаго дня установляется множество молитвъ и обрядовъ, непрестанно напоминающихъ послѣдователямъ лжепророка существенно-основныя характеристическія черты міровоззрѣнія исповѣдуемой ими религіи. Всѣ формулы, произносимыя во время этихъ религіозныхъ обрядовъ должны были выражать сущность основнаго мухаммеданскаго догмата въ сжатомъ и поражающемъ образѣ; всѣ онѣ должны же были проникать, воодушевлять мусульманъ и твердымъ убѣжденіемъ, что мухаммедане составляютъ Богомъ избранный, Самимъ Богомъ просвѣщенный народъ, вѣроученіе котораго совершенно несравнимо и несовмѣстно ни съ однимъ изъ прочихъ, заблужденныхъ[2]). La ilah illa Allah! «Молитесь, молитесь Богу. Наблюдайте строго молитву. По окончаніи молитвы, еще по-

[1]) Palgrave, t. 2, p. 37.
[2]) Palgrave, t. 2, p. 37.

думайте о Богѣ стоя, сидя или лежа. La ilah illa Allah! Какъ только будете въ безопасности, совершите молитву. Повторяй имя Господа твоего и предайся Ему совершенною преданностію. La ilah illa Allah! Молитесь часто Богу и будете счастливы. Молиться Богу важная обязанность. La ilah illa Allah!—твердитъ Коранъ. «Направленіемъ для вѣрующихъ,—продолжаетъ Мухаммедъ,—служитъ (только) Коранъ, (который есть) божескій законъ, лучшее небесное слово, свѣтъ для людей, сама истина. La ilah illa Allah! Богъ возвысилъ Исламъ выше всѣхъ вѣръ. Слѣдуйте ему (одному) и не слѣдуйте многимъ путямъ изъ страха, чтобъ не совратиться съ Божьяго. La ilah illa Allah!»[1]). Съ вышеприведенною же цѣлію всѣ вѣрные мухаммеданскому суевѣрію ежегодно по пяти разъ собираются вмѣстѣ на молитвы общественныя, или вѣрнѣе даже оффиціальныя. И этому религіозному обряду данъ видъ военнаго строя, странно поражающій наблюдателя. Когда видишь въ мечети или подъ открытымъ небомъ толпу

[1]) Коранъ II, 192; XI, 3; IV, 104; LXXIII, 8; 55; LXII, 10; XXIX, 41. Мусульманство, — замѣчаетъ извѣстный нашъ знатокъ востока и мухаммеданства В. Васильевъ,—имѣетъ всѣ задатки, для того чтобы наэлектризовать своихъ прозелитовъ; вѣдь и перемъ, и индійцы, и турки въ свое время были также индефферентны, если еще не болѣе, чѣмъ китайцы; а однакожъ нынѣ они достаточно извѣстны своимъ мусульманскимъ фанатизмомъ. Для китайца немусульманина принять новую религію гораздо легче, чѣмъ перемѣнить платье. Буддизму и даосизму не извѣстенъ фанатизмъ: эти религіи скорѣе философскія школы и составляютъ принадлежность жрецовъ, свѣтскіе люди не суть собственно даосисты или буддисты: сегодня даосы, завтра буддисты. Конфуціанство же есть чисто гражданское ученіе. Но тотъ же индефферентный китаецъ, сдѣлавшись мусульманиномъ, весь перерождается; онъ дѣлается гордымъ, отважнымъ и все презирающимъ. Китай буддійско-конфуціянскій не думаетъ объ ассимиляціи, но Китай омусульманившійся, проникнутый идеями мусульманскаго прозелитизма, всегда найдетъ предлогъ къ выраженію своего презрѣнія къ варварамъ, то есть къ объявленію войны всѣмъ гяурамъ, всему цивилизованному міру.... Мухаммеданство, не давая себя знать, распространилось по всему Китаю, уже охватываетъ его весь, и если Китай превратится въ государство мусульманское, тогда онъ объявитъ себя врагомъ всего человѣческаго рода, всецѣло предается мухаммеданскому прозелитизму. (Двѣ китайскія записки о надеяніи Кульджи и о занятіи ея русскими. В. Васильева. Русскій Вѣстникъ 1872 г. Май. т. 99, стр. 169, 168, 165, 164, 162).

мухаммеданъ, собравшихся для исполненія общественныхъ обрядовъ ихъ вѣроисповѣданія, то представляется, что предъ глазами будто отрядъ войска, командуемый опытнымъ (сержантомъ) урядникомъ—имамомъ[1]).

Для удержанія же мухаммеданъ въ полномъ обособленномъ единодушіи и на полѣ сраженія также, какъ въ мечети, и для приданія имъ стойкости, крѣпкой силы внѣшней,— сама война отожествляется, сливается въ одно съ религіею Ислама. Ghazou — ожесточенная, фанатичная война противъ невѣрящихъ мухаммеданству ревностно внушается послѣдователямъ Мухаммеда, какъ одна изъ первыхъ священныхъ обязанностей, какъ необходимое условіе ихъ независимаго религіознаго и народнаго существованія[2]). Вся вселенная поэтому дѣлится на двое: міръ Ислама (Дар-уль-Исламъ), обнимающій всѣ мусульманскія государства, и—міръ войны (Дар-уль-харбъ), заключающій всѣ народы, неисповѣдующіе Ислама, въ отношеніи которыхъ Мухаммедъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ вести войну до тѣхъ поръ, пока они примутъ Исламъ или подчинятся теократической власти мусульманъ. Къ священной войнѣ противъ немусульманъ мухаммедане обязаны употреблять всѣ усилія, какъ посредствомъ личнаго участія, такъ денежныхъ пособій, совѣтовъ и тому подобныхъ дѣйствій. Идти противъ невѣрныхъ должны всѣ, даже и рабы и женщины, неиспрашивая дозволенія своихъ господъ. Крайность этой кровавой обязанности доводится мухаммеданами до того, что, напримѣръ, хотя сыну воспре-

---

[1]) Palgrave, t. 2, p. 38.

[2]) Palgrave, t. 2, p. 38. Русскіе изслѣдователи мухаммеданства эту священную мусульманскую войну за вѣру называютъ «газаватъ» или еще «джихадъ». Напр. см. стат. Мирзы А. Казембека. Мюридизмъ и Шамиль, въ Русск. Словѣ за Декабрь 1859 года, стр. 187 и проч.—Мюридизмъ и газаватъ въ Дагестанѣ по объясненію Шамиля, въ Русск. Вѣсти. за Декабрь 1862 г. стр. 616 и проч. — Мусульманская религія изд. Березина въ Отеч. Записк. т. XCVIII, отд. II, стр. 100 и проч.

щается прямо убивать своего отца немухаммеданина, тѣмъ не менѣе мусульманскій законъ обязываетъ его занять отца своего такъ, чтобы онъ былъ убитъ другимъ, т. е., сынъ долженъ тайнымъ предательствомъ лишить отца своего жизни[1]). Всякое же сближеніе, дружественная мировая сдѣлка

---

[1]) См. «Основныя начала мусульманскаго закона», въ книгѣ В. Гиргаса: Права христіанъ по мусульманскимъ законамъ. 1865 г. стр. 8, 11, 12, 14.— Всего важнѣе, — глубокомысленно и характерно замѣчаетъ незабвенный А. С. Хомяковъ,—что въ Исламѣ идея религіозная заключала въ себѣ нетолько освященія стремленій завоевательныхъ, но и обязанность завоеваній, и весь народъ вѣрующій былъ обращенъ въ постоянную и восторженную дружину. Съ Мухаммедомъ началась религіозная война, одно изъ важнѣйшихъ и едва-ли не самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи, отвратительный обманъ, прикрывающій безчеловѣчіе войны личиною высоко-человѣческаго чувства, братолюбія и любви къ божественной истинѣ, обманъ особенно увлекательный для благороднѣйшихъ душъ и между тѣмъ уничтожающій въ самомъ корнѣ сознаніе различія между нравственнымъ добромъ и зломъ.... Очень странно то, что историки до сихъ поръ не обратили вниманія на Исламъ, какъ на явленіе совершенно новое для міра; т. е. явленіе религіозной войны. Были во многихъ странахъ раздоры и войны, причиненныя разницею вѣрованій (напр. въ Индіи), но это еще не религіозная война въ ея полномъ значеніи. Израиль при вступленіи въ землю Хананскую и Иранъ при домѣ Кеанидовъ въ своихъ военныхъ подвигахъ признаютъ себя народами святыми: но Израиль ищетъ простора для поселенія, Иранъ отбивается отъ непріятеля или завоевываетъ въ качествѣ государства, а не вѣры. Это все еще не религіозныя войны. Въ одномъ Исламѣ религія проявилась какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія. На западѣ христіанство, принявъ наслѣдство Рима, стремилось къ тому же значенію; но всякій безпристрастный критикъ признаетъ, что папская церковь получила свое окончательное опредѣленіе (около времени крестовыхъ походовъ) только отъ противодѣйствія исполинской силѣ мусульманскаго халифата, мусульманской войнѣ за вѣру. Въ этомъ смыслѣ христіанство западное было отчасти созданіемъ Ислама». (Полное собраніе сочин. Алексѣя Степановича Хомякова. Записки о Всемірн. Исторіи, томъ IV, часть 2 изд. А. О. Гильфердинга. Москва 1873 г., стр. 584—585. Характеръ Ислама). «Отношенія Ислама къ немусульманамъ, — свидѣтельствуетъ оріенталистъ Березинъ, — полны высшей несправедливости и самой зловредной исключительности. Прежде всего Алкоранъ требуетъ конечнаго и полнаго истребленія немусульманъ, почти въ каждой главѣ проповѣдуя «джихадъ», войну за вѣру, который не иначе именуется, какъ «путемъ Божіимъ». Въ легіонѣ такихъ возгласовъ выразился съ особенною силою духъ нетерпимости, разлитый по всему ученію Мухаммеда. По ученію Ислама, джихадъ— нормальное и постоянное положеніе мусульманъ; и хотя нѣкоторые законники, на основаніи немногихъ изрѣченій Алкорана (Алкор. II. 187; IV, 257), утверждаютъ, будто мусульмане не должны нападать первые, однако большинство, и притомъ на основаніи многочисленныхъ изрѣченій, опредѣлило, что мусульмане должны начинать войну съ невѣрующими. Кромѣ физическаго джихада, есть еще моральный, по опредѣленію Алкорана, потому что часть мусульманъ должна идти на войну, а другая заниматься изученіемъ и проповѣдываніемъ вѣры (Алкоранъ IX, 123), и наконецъ мусульма-

съ немусульманами строго запрещается. La ilah illa Allah! О вѣрующіе!—заповѣдуетъ Коранъ, когда вы встрѣтите невѣрныхъ (немухаммеданъ), убивайте ихъ вездѣ, чтобъ сдѣлать изъ этого большую рѣзню, покуда они не сдѣлаются мусульманами. Невѣрные тѣ, которые говорятъ, что Мессія, Іисусъ, сынъ Маріи, Богъ. Искушенія невѣрныхъ хуже, чѣмъ

нинъ можетъ жертвовать на джихадъ имущество (Алкор. IX, 41), такъ что сюда входятъ даже женщины съ своими заработками. Только два исхода прекращаютъ джихадъ: или истребленіе немусульманъ, или дарованіе имъ помилованія, съ обязательствомъ подданства, унизительнаго поголовнаго окупа съ потерею гражданства (Алкор. II, 189; VIII, 63; IX, 11). Перемиріе, допускаемое Алкораномъ, только временная мѣра, и притомъ для того, чтобъ потомъ поразить вѣрнѣе немусульманъ. Въ тѣсной связи съ джихадомъ стоитъ безпримѣрное униженіе немусульманъ, проповѣдуемое Алкораномъ: «питайтесь достояніемъ, отнятымъ у невѣрующихъ (Алкор. IV, 70): по истеченіи священныхъ мѣсяцевъ, ратуйте противъ невѣрующихъ, несоблюдающихъ договоровъ, берите ихъ (Алкор. IX, 5. Объ отношеніяхъ мусульманъ къ немусульманамъ говорится еще въ слѣдующихъ мѣстахъ Алкорана: II, 99, 103, 114; III, 27, 114; IV, 47, 54. 115, 116, 137, 138, 143; V, 56, 62, 63, 83, 84, 85; IX, 8, 9, 10, 23, 28; LVIII, 15, 22; LX, 1, 2, 3, 4, 13). Такимъ образомъ Алкоранъ ставитъ внѣ закона всѣхъ немусульманъ, такъ что нѣтъ ни одного народа мусульманскаго и въ этомъ народѣ ни одного мусульманина, который, по ученію Ислама, не имѣлъ бы права убить каждаго немусульманина, или завладѣть животомъ и животами его, какимъ-бы то ни было способомъ. Вся «страна вражды» (дар-уль-харбъ) есть собственность перваго, захватывающаго ее мусульманина. Относительно пріобрѣтеній живота и животовъ у немусульманъ Исламъ очень не церемоненъ: онъ допускаетъ два способа; открытую войну и хищничество; послѣднее можетъ даже переходить просто въ воровство, потому что духовный законъ осуждаетъ, но не наказываетъ воровства въ «странѣ вражды», такъ какъ Исламу нѣтъ до нея никакого дѣла. Удивительно нравственныя и благородныя правила, на основаніи которыхъ немусульманинъ есть существо безъ правъ и состоянія въ этомъ мірѣ, законная добыча перваго мусульманина—цѣль для всякаго угнетенія и хищничества, однимъ словомъ, уничтоженіе, возведенное въ идеалъ! Нетолько гражданскій, но и духовно уничтожаетъ немусульманъ проповѣдь Мухаммеда: «не падайте духомъ, не просите мира: вы ихъ (невѣрующихъ) выше и съ вами Господь» (Алкор. XLVII, 37); вмѣстѣ съ тѣмъ, Алкоранъ совершенно отчуждаетъ мусульманъ отъ немусульманъ («о вы вѣрующіе! водите дружбу лишь между собою», Алкор. III, 114; еще Алкор. III, 27). разрывая даже родственныя узы (Алкор. IX, 114; LX, 3). Отсюда вытекаетъ та неутомимая ненависть къ немусульманамъ, то презрѣніе, гнушающееся всѣмъ немусульманскимъ, какъ-бы оно полезно ни было; то омерзѣніе, недопускающее даже прикосновенія къ немусульманину, какъ къ нечистому, та постоянная непреодолимая преграда, которая раздѣляетъ привилегированныхъ отъ парій, «дар-уль-исламъ» отъ «дар-уль-харбъ». Всякому извѣстно, что мусульманинъ считаетъ грѣхомъ даже пребываніе въ «странѣ вражды». (См. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Соч. И. Березина, въ Отеч. Зап. томъ XCVIII, отд. II, стр. 100—103).

военная сѣча. Составляйте союзы только между собою; невѣрные непреминутъ развратить васъ. Не призывайте невѣрныхъ къ миру, не избирайте друзьями жидовъ и христіанъ. Сражайтесь съ ними, покуда не будете страшиться искушенія и поклоненіе будетъ только единому мухаммеданскому Богу. Сражайтесь за Исламъ—религію Бога и Онъ осыпетъ васъ благодѣяніями, вы будете счастливы, а если не будете сражаться съ ними, то Онъ поразитъ васъ страшнымъ наказаніемъ. Убиваете же ихъ (немухаммеданъ) не вы, а Богъ; когда бросаешь копье, не ты бросаешь, это Богъ. La ilah illa Allah![1]).

---

[1]) Коранъ. XLVII, 4, 22; XLVIII, 16; V, стр. 19, 76, 77, 50; II. 187, 189; III, 17, 114, 164; V, 39, 56; VIII, 17. Замѣчательно, что эти и подобныя фанатично-безчеловѣчныя религіозныя обязанности мухаммеданъ не остаются только словами, теоріями, а осуществляются ими даже и въ наши дни, и нетолько единичными личностями, но и цѣлыми многомилліонными мусульманскими народами. Такъ, напримѣръ, въ Китаѣ до послѣдняго времени фанатичное мухаммеданство сдерживалось; нынѣ же не то. Мухаммеданство вырѣзало тамъ милліоны невѣрныхъ (т. е. немусульманствующихъ) своихъ соотечественниковъ: въ одномъ Нанъ-си погибло ихъ за-разъ триста тысячъ». (Религіи Востока. В. Васильева, въ Журн. Мин. Народ. Пр. за 1873 г., часть 166, Апрѣль, стран. 249). А въ Индіи священная война противъ немусульманъ, къ которой началъ возбуждать тамъ мухаммеданъ въ 1820-хъ годахъ одинъ смѣлый фанатикъ изъ разбойничьей шайки, Саидъ Ахмадъ,—приняла такіе громадные размѣры, что, вовлекши богатую Англію въ долголѣтнюю и кровопролитную борьбу съ мятежными мусульманами, продолжаетъ и понынѣ постоянно угрожать владычеству могущественныхъ англичанъ. Въ теченіе послѣдняго времени все мусульманское населеніе Индіи обсуждало вопросъ: можетъ-ли оно безъ опасности погубить свою душу, продолжать переносить владычество (христіанской) Англіи? Въ послѣдніе мѣсяцы,—продолжаетъ въ Январѣ 1873 г. Гр. П. Кутайсовъ,—самые вліятельные органы туземной печати наполняли страницы свои разсужденіями объ обязанности мусульманъ вести священную войну противъ правительства (христіанской) королевы.... Фанатичные поклонники священной войны занялись развитіемъ мусульманскаго догмата объ обязанности веденія мухаммеданской священной войны, и во всей своей литературѣ выставили эту обязанность, какъ самую священную необходимость для перерожденнаго народа. Всѣ ихъ народныя пѣсни и самые популярные разсказы только и говорятъ о священной войнѣ; эта литература ихъ развита до такой степени, что можно было-бы составить цѣлыя массы томовъ только изъ различныхъ призваній къ оружію противъ (христіанъ) англичанъ; нѣтъ книги, которая не доказывала бы необходимости возмущенія и истребленія невѣрныхъ т. е. христіанъ.... Фанатики доказываютъ, что ни одинъ правовѣрный (т. е. мусульманинъ) не можетъ надѣяться на блаженство въ будущей жизни, если онъ останется въ настоящемъ (подчиненномъ христіанамъ) положеніи. Для спасенія души ему

Для болѣе вѣрнаго сосредоточенія и усиленія всей дѣятельности мусульманской на двухъ вышеприведенныхъ, практическихъ религіозныхъ обязанностяхъ, Мухаммедъ строго запрещалъ всякія общественныя удовольствія и забавы, ко-

---

остается одно средство, одинъ выходъ изъ этого отчаяннаго состоянія,—это поднять знамя пророка (Мухаммеда), возстать за вѣру, и кровью, пожертвованіями и побѣдами свергнуть владычество христіанъ..... Религіозный вопросъ (послѣдователи священной мусульманской войны) сдѣлали чисто политическимъ и пользуются вѣрою главнѣйшимъ образомъ только для того, чтобы посредствомъ нея возбуждать фанатизмъ народа къ ненависти противъ (христіанъ) англичанъ». (Вѣстникъ Европы 1873 г. т. II, кн. 3, Мартъ стр. 122, 146, 149 и 118—151, въ стат. «Мухаммеданское религіозное движеніе въ Индіи)». Безчеловѣчная фанатичная война мухаммеданъ противъ немусульманъ занимаетъ много страницъ въ исторіи и нашего православнаго отечества. Въ подтвержденіе этого,—не говоря уже объ частыхъ кровопролитныхъ мятежахъ мусульманъ во имя ереси Мухаммедовой въ восточныхъ областяхъ европейской Россіи,—достаточно вспомнить долголѣтнюю упорную борьбу Россіи съ мухаммеданствомъ на Кавказѣ, такъ еще недавно прекратившуюся. Язычествовавшіе до конца прошлаго вѣка Кавказскіе черкесы были мирны, покорны Россіи и она беззаботно относилась къ нимъ. Но мусульманское турецкое правительство въ началѣ текущаго столѣтія позаботилось объ распространеніи между этими покорными Россіи племенами Кавказскими своего Ислама съ ревностнымъ внушеніемъ имъ, что Русскіе, какъ и всѣ прочіе христіане, суть невѣрные и что поэтому война противъ Русскихъ составляетъ непремѣнную священную обязанность мусульманъ, когда только найдется имъ особенно отважный и фанатичный предводитель. Недостатка въ таковыхъ личностяхъ среди мусульманъ подолгу не бываетъ,—и вотъ возгарается противъ Русскихъ и на мирномъ Кавказѣ ожесточенная и упорная война будто-бы для вѣры Мухаммедовой. Война, возбудившая своимъ религіознымъ предлогомъ и наэлектризовавшая Кавказскихъ горцевъ—мухаммеданъ до того, что нашему великому и сильному отечеству потребовалось почти 25 лѣтъ, чтобы усмирить ихъ, не смотря на то, что оно посылало противъ этой, сравнительно съ Русскими, горсти мухаммеданъ цѣлыя полчища Русскихъ войскъ и тратило на борьбу съ ними много милліоновъ денегъ. (Подр. смот. въ стат. Проф. Мирзы А. Казембека: «Мюридизмъ и Шамиль» и еще «Мухаммедъ Аминъ» въ журн. Русск. Слово, за Декабрь 1859 и за Іюнь 1860 г.). Обстоятельства и примѣры эти должны-бы быть весьма поучительными и вразумительными для практическаго отношенія Россіи къ разрушительному мухаммеданству и мятежнымъ мухаммеданамъ явно и тайно и нынѣ сильно пропагандирующимъ въ нашемъ отечествѣ противъ всего истинно и свято-русскаго. Всѣ мухаммедане вездѣ и всегда всякій общественный и государственный вопросъ только прикрываютъ религіозностью, которою и пользуются для возстанія противъ существующихъ немусульманскихъ государственныхъ порядковъ. И въ виду фанатичнаго пробужденія и убійственнаго, разрушительнаго успѣха мухаммеданства въ Индіи и Китаѣ извѣстный нашъ оріенталистъ и знатокъ мусульманства на самой практикѣ страшатъ теперь, что «мухаммеданство угрожаетъ охватить собою весь востокъ и что такимъ образомъ просвѣщенію предстоитъ новая борьба, которая неизвѣстно чѣмъ еще кончится... Для востока настаетъ новая эра и новая вѣра мухаммеданская. (Религіи востока В. Васильева, въ жур. Мин. Нар. Пр. за 1873 г. часть 166, Апрѣль стр. 211—250).

торыя влекутъ людей въ собранія помимо священно-военнаго и молитвеннаго, проклинаетъ всякія общественныя развлеченія, которыя способны разсѣять мысли, ослабить фатальный фанатизмъ мухаммеданскій, осуждаетъ даже всякія общественныя бесѣды, которыя имѣютъ предметомъ не Бога[1]). И наконецъ для полнѣйшаго обособленія мухаммеданъ и убѣжденія ихъ въ ни съ чѣмъ несравнимомъ превосходствѣ всего даже свѣтскаго мусульманскаго,—и весь государственный и общественный строй мухаммеданскій на вѣки неизмѣнно освящается, признается частью самой религіозной системы, объединяется, нераздѣльно сливается съ вѣроученіемъ[2]). Основаніемъ мусульманскаго права не только духовнаго, но и всего государственнаго, мірскаго и руководствомъ всѣхъ дѣйствій мухаммеданъ даже и въ частной ихъ жизни признается одинъ только Коранъ. Судить мухаммеданъ и рѣшать всѣ ихъ споры и недоумѣнія предписано только по одному Корану, содержащему изъясненіе всѣхъ вещей, служащему направленіемъ, и объясняющему всѣ споры. Тѣ, которые не будутъ судить по книгѣ Божіей (Корану), невѣрные. Вы (мухаммедане) народъ превосходнѣйшій изъ всѣхъ, какой когда либо появлялся между людей; вы приказываете то, что благо

[1]) Palgrave. t. 2, p. 39. Воинственный характеръ мусульманской религіи выразился и въ запрещеніи игры. Устремляя все вниманіе на образованіе въ своей общинѣ ратниковъ для сокрушительной проповѣди, Мухаммедъ лучшее употребленіе праздныго времени находилъ въ воинскихъ упражненіяхъ и изгналъ всѣ другаго рода игры. Вотъ преданія отъ него: «Не присутствуютъ небесные духи его ни при какой изъ игръ, кромѣ скачки и стрѣлянія изъ лука».—«Ему, мусульманину, запрещены (игры), кромѣ трехъ: забава съ лошадью своей, бросаніе стрѣлъ изъ рукъ и забава съ семействомъ своимъ».—Кто играетъ въ шахматы и въ шашки—омочитъ руку въ крови свиньи». Здѣсь Исламъ впадаетъ въ односторонность и изгоняетъ изъ общества человѣческаго невинныя удовольствія, замѣняя ихъ приготовленіями на брань, какъ будто мусульманинъ долженъ вѣчно имѣть передъ глазами одинъ джихадъ. Практическое направленіе здѣсь выступаетъ уже изъ предѣловъ умѣренности, и постановленіе, въ сущности не лишенное достоинствъ, поощряетъ развитіе дикой страсти. (Смот. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Соч. И. Березина въ Отеч. Зап. т. XCVIII, отд II, стр. 82—83).

[2]) Palgrave, t. 2, p. 38.

и запрещаете то, что дурно. То, что вы дѣлаете, устраиваетъ Богъ. La ilah illa Allah![1]).

Съ другой стороны для сильнѣйшаго отвращенія мухаммеданъ отъ христіанства и христіанъ, и для постоянной очевидности всей непримиримой разности даже и въ обыденной жизни между ними и міровоззрѣніями ихъ вѣроученій, большая часть житейскихъ отношеній, занятій и предметовъ, освященныхъ христіанствомъ, лжепророкъ Мухаммедъ сильно осуждаетъ, строго запрещаетъ, или до того измѣняетъ, поддѣлываетъ къ скотской мусульманской чувственности, что христіанскія учрежденія становятся для мухаммеданъ отталкивающими и чуждыми[2]). Такъ, бракъ въ видѣ именно нерасторжимаго единобрачія, возведенный христіанствомъ на высшую духовную степень таинства[3]), установленный по христіанскому вѣроученію Самимъ Богомъ[4]) еще въ раю, и потомъ освященный присутствіемъ и первымъ чудотвореніемъ Богочеловѣка въ Канѣ Галилейской[5]),—бракъ, служащій изображеніемъ великаго, таинственнаго союза Бога-Спасителя съ людьми въ церкви[6]),—этотъ досточтимый, возвышеннѣйшій и святѣйшій человѣческій союзъ[7]), унижается, оскверняется и даже вовсе разрушается Мухаммедомъ чрезъ введеніе въ него многоженства, при безграничномъ наложничествѣ, и полной свободѣ и легкости брачныхъ разводовъ[8]). Множество дѣтей, оторванныхъ отъ ихъ родителей, отсутствіе мирной, единодушной семейной жизни, безчисленныя братоубійства,

[1]) Коранъ, XVI, 91, 66; VI, 51, 52; III, 106; II, 234. См. также изложеніе началъ мусульманск. законовѣд. Н. Торнау, изд. 1850 г. стр. 1, 3, 27 и проч.
[2]) Palgrave, t. 2, p. 35—43.
[3]) 1 Коринѳ. 7, 10—11; Мар. 10, 2, 12.
[4]) Быт. 1, 27; 11, 18.
[5]) Іоан. 2.
[6]) Ефес. 5, 23—32.
[7]) Евр. 13, 4.
[8]) Palgrave, t. 2, p. 39—40.

нечестивыя кровосмѣшенія, и всякіе гнусные пороки являются необходимымъ послѣдствіемъ мухаммеданскихъ учрежденій въ сожитіи, въ отношеніяхъ мущины съ женщинами. Тотъ, кто будетъ имѣть терпѣніе прослѣдить нечестивую и кровавую исторію мухаммеданскихъ царствовавшихъ родовъ, узнаетъ, увидитъ въ ней вѣрный примѣръ омерзительныхъ узаконенныхъ страстей, оскверняющихъ почти всякій родъ въ странахъ, имѣвшихъ несчастіе быть опутанными чувственными измышленіями Корана Мухаммеда[1]). Даже самъ лжепророкъ, страшась гибельныхъ послѣдствій необузданной чувственности, и предвидя грустную участь множества порожденныхъ сю покинутыхъ сиротъ, совѣтуетъ своимъ мусульманамъ: «если вы боитесь (!?) быть несправедливыми къ сиротамъ, не женитесь болѣе какъ на трехъ или четырехъ женщинахъ (т. е. за разъ). (Но) вѣрующимъ нѣтъ преступленія жениться на женахъ (даже) своихъ пріемышей, послѣ развода съ ними, и на женщинахъ (еще замужнихъ, которыя попадутъ въ ихъ руки, какъ невольницы. Счастливы вѣрующіе, которые ограничиваютъ свои плотскія наслажденія своими женами и невольницами (количество которыхъ безгранично) La ilah illa Allah![2]) Такъ бракъ христіанскій, брачныя понятія и отношенія въ высокомъ смыслѣ христіанскомъ, стараясь сдѣлать чуждыми своему послѣдователю, Мухаммедъ замѣняетъ въ своемъ вѣроученіи соблазнительнымъ, болѣе легкимъ и потворствующимъ чувственности, узаконеннымъ удовлетвореніемъ половымъ страстямъ, похоти мущинъ, для чего требуется неравный по достоинству человѣкъ—женщина, а покупаются или ловятся въ плѣнъ просто соотвѣтствующія

[1]) Palgrave, t. 2, p. 40.
[2]) Коранъ, IV, 3, 28; XXXIII, 37; XXIII, 1, 6: Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія. Н. Торнау, изд. 1850 г. стр. 137.

самки, — даже нѣчто ниже самокъ. Самки у многихъ[1]) животныхъ почитаются, уважаются болѣе, чѣмъ женщины мухаммеданствомъ, объ которыхъ Мухаммедъ отъ имени Бога возвѣщаетъ, будто «мущины (всѣ вообще) выше женщинъ. А ваши жены—ваше поле. Ходите,—продолжаетъ Коранъ,—на ваше поле, какъ хотите. Вы побраните ихъ, когда боитесь неповиновенія; отдалите въ сторону отъ ложа, бейте ихъ (женъ). Если вы желаете, перемѣняйте одну жену на другую, только не отнимайте у той, которой вы отказали, мехръ (садукъ т. е. деньги или вещи, за которыя получилъ мущина женщину для плотскаго сожитія). Если же кто разведется съ своею женою три раза (этого мало!!), ему не позволено взять ее (опять), только покуда она выйдетъ за другаго, и когда этотъ въ свою очередь разведется съ нею. Не произойдетъ никому изъ нихъ никакого грѣха, если они (опять) сойдутся, (опять будутъ расходиться и снова сходиться, какъ не всѣ даже звѣри)!! Вы имѣете въ своемъ пророкѣ превосходный (!) примѣръ, примѣръ для всѣхъ, которые надѣятся на Бога; таковъ законъ Бога. La ilah illa Allah[2])! Такъ заключаетъ свои любимыя, похотливыя измышленія лжепророкъ аравійскій Мухаммедъ!

---

[1]) Смот. Происхожденіе человѣка и половой подборъ животныхъ. Чарльса Дарвина, перев. Благосвѣтлова, изд. Спб. 1871 г. часть 2, вып. 2 стр. 24—31.

[2]) Коранъ, IV, 3, 24, 12, 38; II, 223, 230, 232; XXXII, 21. Хотя полигамія не составляетъ въ Исламѣ непремѣннаго требованія (еще бы!), и даже ограничена условіемъ нѣкоторой достаточности, потому что нельзя жениться, не обезпечивъ будущей жены взносомъ приданаго, однако всѣ эти матеріальные уставы представляютъ огромныя нравственныя неудобства. Если многоженство необязательно для мусульманина, то примѣръ лжеучителя, изрѣченія Алкорана и собственныя наклонности человѣка влекутъ его воспользоваться безнравственнымъ разрѣшеніемъ Ислама; поставивъ же условіемъ брака избытокъ наличный, Мухаммедъ придалъ этому важному въ жизни гражданина событію совершенно-матеріальное значеніе: мущина, никогда не видавшій своей суженой, просто покупаетъ себѣ плотскую забаву, и вотъ что составляетъ, если не прямо, то косвенно, цѣль мусульманскаго труда. Зажиточный мусульманинъ имѣетъ полное право завести себѣ многочисленный харемъ, на сколько лишь достанетъ его состоянія и физическихъ

Далѣе, изъ того же самаго желанія отдалить и отвратить мусульманъ отъ христіанъ и отъ возвышеннаго и опас-

спнъ (Алкор. IV. 128), содержать приличнымъ образомъ всѣхъ женъ и невольницъ, и тогда уже избытокъ отдавать на пользу ближняго. Въ ученіи Мухаммеда о женщинѣ, женщина составляетъ что-то въ родѣ застрахованной домашней посуды. Въ доказательство послѣдняго, мы можемъ привести очень много выраженій и Алкорана и преданій. Нравственное униженіе женщины выражено очень ясно во всемъ ученіи Мухаммеда. Вотъ напримѣръ текстъ преданія мусульманскаго: «мущины стоятъ надъ женщинами. Женщины — существа съ ограниченнымъ смысломъ» (Предан.). «Женщины суть веревки сатаны» (Предан.). «Я видѣлъ огонь и адъ, и большая часть обитателей его были женщины» (Предан.). «Самое величайшее наказаніе мужьямъ я далъ въ женахъ ихъ» (Предан.). На основаніи этихъ положеній, мусульмане считаютъ женщину существомъ, недостигшимъ надлежащаго развитія. Слѣдуя своей системѣ, Мухаммедъ поставилъ немусульманку ниже невольницы. (Алкор. II, 220). Для удаленія соблазна отъ мусульманина, запрещено женщинамъ участвовать въ молитвѣ мущинъ. Изъ этого воззрѣнія слѣдуетъ очень ясно, что женщина составляетъ что-то среднее между человѣкомъ и животнымъ и что она для общества, ради своей слабости, а болѣе ради принадлежанія кому-нибудь, есть вещь неприкосновенная; но, какъ жена, она вполнѣ принадлежитъ мужу, который воленъ въ ея жизни и смерти (Алкор. II, 228; IV, 38 и проч.). По предписаніямъ своего лжеучителя (Алкор. XXIV, 31; XXXII, 31, 53, 57) и по его примѣру, женщина исключена изъ мусульманскаго общества: она не членъ его, но лишь раба его. Алкоранъ подробно исчисляетъ, передъ кѣмъ можетъ являться женщина безъ покрывала (Алкор. XXIV, 31). Заступники Мухаммеда, восторгающіеся тѣмъ, что Исламъ не даетъ никакихъ преимуществъ ни знатности, ни богатству, какъ будто это исключительная особенность его, должны согласиться, что въ Исламѣ есть зло, неизвѣстное другимъ исповѣданіямъ, это вѣчная во всемъ исключительность. Раздѣливъ человѣчество на двѣ половины и одаривъ правами только одну—мусульманъ, Мухаммедъ и въ этой половинѣ образовалъ новую исключительность—мущинъ, и только изъ нихъ составилъ общество. Заключенныя въ харемъ, всегда подъ покрываломъ для всѣхъ мущинъ, исключая прислуги и ближайшихъ родственниковъ, содержимыя въ самомъ строгомъ надзорѣ, даже въ увеселеніяхъ прикованныя лишь одна къ другой, устраненныя отъ всѣхъ публичныхъ занятій, раздѣляющія сердце своего супруга съ другими женами и невольницами; неприкосновенныя ни для какой власти, кромѣ власти мужей въ своемъ харемѣ, страдающія подъ неограниченнымъ деспотизмомъ супруга и отъ интригъ своихъ соперницъ, чуждыя высшаго чувства супружеской любви, употребляющія всѣ силы душевныя только на соблазнъ мужа и на униженіе своихъ соперницъ—такова мусульманскія женщины! Всѣмъ извѣстно ограниченное воспитаніе женщины на Востокѣ, направленное лишь къ тому, чтобы прельщать чувственность мущины. Въ мусульманскихъ языкахъ даже не существуетъ слова для означенія хозяйки дома, потому что женщина здѣсь только очень зависимая хозяйка уголка. Мусульмане означаютъ домашній очагъ не иначе, какъ мѣстомъ запрещеннымъ «харемъ»; говоря о женѣ, они употребляютъ большею частію нелестныя три фразы («кашикъ-душмани»—врагъ ложекъ, и проч.). Но какое счастье можетъ быть, какое спокойствіе можетъ обитать тамъ, гдѣ нѣсколько женъ, законныхъ и незаконныхъ, должны раздѣлять поровну ласки мужа, гдѣ интригуютъ за любовь супруга, отъ взгляда котораго зависитъ судьба женъ? Какія добродѣтели могутъ обитать въ томъ семействѣ,

наго для чудовищнаго міровоззрѣнія Ислама христіанскаго вѣроученія, Мухаммедъ запретилъ своимъ послѣдователямъ употребленіе вина. Въ самомъ дѣлѣ, вино было не только терпимо Христомъ Спасителемъ, но даже облечено возвышеннымъ религіознымъ характеромъ. Большая часть христіанскаго міра глубоко чтитъ въ немъ предметъ, служащій въ таинствѣ причащенія изображеніемъ Св. Крови Господа Іисуса Христа и видимымъ знакомъ постояннаго, спаситель-

---

гдѣ мать состоитъ во враждѣ съ соперницами, а дѣти лишь смотрятъ на семейный раздоръ? Харемское воспитаніе дѣтей, составляющее одну изъ обязанностей мусульманской женщины, для общества очень вредно. Какую практическую мудрость можетъ передать дѣтямъ женщина, удаленная отъ всѣхъ общественныхъ сношеній? Если дитя съ раннихъ поръ привыкаетъ видѣть въ матери ничтожное существо, только средство къ произведенію его на свѣтъ; если юноша долженъ видѣть въ спутницѣ своей жизни только средство къ наслажденіямъ, то какихъ возвышенныхъ подвиговъ и чувствованій ожидать отъ сердца, затвореннаго для любви семейной? Прекрасныя стремленія души человѣческой гаснутъ, умерщвленныя губительнымъ словомъ лжеучителя, и человѣкъ остается лишь съ пародіями ихъ. Исторія мусульманскихъ народовъ полна примѣрами самаго звѣрскаго нарушенія семейныхъ связей. Чтожъ касается до рыцарскаго духа аравитянъ во время крестовыхъ походовъ, то онъ принадлежитъ пустынному бедуину, у котораго очень рѣдко встрѣчаются двѣ жены, а не гражданамъ съ развращенными нравами. У бедуиновъ законнымъ женамъ принадлежитъ дань самыхъ благородныхъ чувствованій человѣка: власть повелѣвать страстями мущины силою своей любви. Такимъ образомъ, Мухаммедъ попралъ идею семейства: послѣдствія униженія женщины отразились на всемъ мусульманскомъ бытѣ. Жестокость, безнравственность и запутанность Ислама въ этомъ дѣлѣ простирается до того, что онъ позволяетъ господину раздѣлять ложе со всѣми невольницами и двумъ господамъ имѣть одного раба. Какъ естественное послѣдствіе многоженства является въ Исламѣ разводъ. Нѣтъ ничего легче мусульманину, какъ разорвать супружескія цѣпи; стоитъ мужу сказать: «я отвергаю тебя». И здѣсь женщина унижена; только мужъ можетъ отказываться отъ жены своей или давать ей позволеніе на разводъ (См. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Соч. И. Березина, въ Отеч. Зап. томъ XCVIII отд. II, стр. 88—92). Поощряемые законами своей мерзкой и богохульной религіи мусульмане подвергаютъ и нынѣ великимъ поруганіямъ семейную и супружескую жизнь христіанъ. Такъ напримѣръ: на всемъ пространствѣ турецкой имперіи, всѣ молодыя христіанскія дѣвушки и женщины составляютъ законную добычу каждаго бродяги-мусульманина, который съ полнымъ сознаніемъ своей силы, совершенно свободно выказываетъ свое пренебреженіе къ святости семейныхъ узъ христіанина, насилуя каждаго члена его семьи; если же оскорбленный отецъ, мужъ или братъ вздумаетъ защищать свою честь и честь близкихъ имъ женщинъ, они подвергаются наказанію или даже смерти.... Для того, чтобъ избавиться отъ рекрутчины, мущинѣ стоитъ, согласно съ турецкими законами, похитить и изнасиловать христіанскую дѣвушку». (Христіане въ Турціи. В. Дентона въ Русск. Вѣсти. за 1864 г. Мартъ, стр. 88—89).

наго, таинственнаго общенія человѣка съ Богомъ. Изъ этого таинственно-религіознаго употребленія виноградпаго сока вытекаетъ и его общественное значеніе между христіанами, сдѣлавшими вино символомъ просвѣщенія, дружбы, единенія народовъ, обществъ и семействъ. Мухаммедъ, хорошо зная это, объявляетъ (все отъ имени Бога же) вино нечистымъ, запрещаетъ употребленіе и этого особенно распространеннаго, любимаго и священнаго у христіанъ предмета, какъ гнусное, вредное измышленіе злаго духа тьмы[1]). «О вѣрующіе! La ilah illa Allah! вино, азартныя игры, статуи и гаданіе по стрѣламъ, мерзости, придуманныя сатаною: сатана желаетъ возбудить между нами ненависть и недружелюбіе чрезъ вино и игры, и удалить васъ отъ воспоминанія о Богѣ и молитвѣ. Удержитесь отъ нихъ и будете счастливы. Повинуйтесь пророку (Мухаммеду) и берегитесь. La ilah illa Allah! Кто преступитъ его законы, будетъ преданъ страшному мученію, подвергнется мщенію Бога, а Богъ вѣрно могучъ и мстителенъ[2]),—стращаетъ лжепророкъ.

Далѣе опять въ противоположность христіанству, которое первыхъ своихъ Апостоловъ беретъ съ лодки моря Галилейскаго и покрываетъ безчисленными флотами океанъ,—арабскій лжепророкъ запрещаетъ мореплаваніе и отвращается отъ торговли, фанатичною своею исключительностію и нетерпимостію парализуя высокое стремленіе людей къ общенію и дѣятельности: La ilah illa Allah! Men nezel elbahra morreyteni fkad kefer», то есть: «Невѣрный тотъ, кто дважды выѣдетъ въ море»,—утверждаетъ Мухаммедъ[3]).

Ни чѣмъ инымъ, какъ все тѣмъ же отвращеніемъ отъ христіанства нельзя лучше объяснить осужденіе Мухаммедомъ

[1]) Palgrave, t. 2, p. 35.
[2]) Коранъ, V, 92—96.
[3]) Palgrave, t. 2, p. 36.

скульптуры и образовъ, украшеній и принадлежностей, столь свойственныхъ, по свидѣтельству церквей греческихъ и армянскихъ, восточному христіанству[1]). Съ неумолимою жестокостію уничтоживъ ихъ и запретивъ ихъ употребленіе, лжепророкъ старался внушить мусульманамъ сильнѣйшее отвращеніе и къ этимъ образнымъ христіанскимъ напоминаніямъ священнаго, также какъ и къ музыкѣ, причисленной къ вреднымъ выдумкамъ духовъ тьмы для погибели человѣчества[2]). Колокола, которыми призываются христіане къ божественной службѣ, осуждены Мухаммедомъ также не потому, чтобы звуками ихъ нарушался сонъ ангеловъ, какъ увѣрялъ онъ,

---

[1]) Palgrave, t. 2, p. 35; Коранъ, V, 92.

[2]) Лжеучитель запретилъ и живопись и скульптуру. О вы вѣрующіе! вино, метанье жеребья, статуи и гаданье—дѣла сатанинскія: удаляйтесь отъ нихъ для собственнаго блага. (Алкор. V, 92).—«Небесные духи не входятъ въ домъ, въ которомъ находятся собаки и картины». (Предан.). Только изображенія цвѣтовъ и рѣзьба, преимущественно выражающаяся въ затѣйливыхъ украшеніяхъ, которыя получили названіе арабесковъ, допускаются у мусульманъ. Исламъ смотритъ на изображеніе живаго существа въ живописи, или скульптурѣ, какъ на профанацію сотворенія, и утверждаетъ, что въ судный день картины и статуи потребуютъ у своихъ мастеровъ души, которой художники не могли имъ дать въ этой жизни. Лжеучитель выразился еще неодобрительно и о музыкѣ. Слушать музыку — грѣхъ противъ закона; заниматься ею — развратъ; находить въ ней удовольствіе — невѣріе». (Предан.). Запрещеніе этого искусства, гдѣ бы и въ какомъ бы то ни было видѣ, доходитъ до запрещенія пѣсенъ, даже духовныхъ, исключая напѣва, употребляемаго при мусульманскомъ богослуженіи. Здѣсь мы видимъ уже чистый матеріализмъ, что Исламъ гонитъ высшія благородныя наслажденія, допуская только одни чувственныя удовольствія. Реальное направленіе доходитъ здѣсь до нелѣпаго, не умѣя раздѣлить огромной пользы отъ незначительнаго вреда. Вслѣдствіе этого запрещенія изящныхъ искусствъ, мы находимъ въ мусульманскомъ обществѣ вмѣсто живописцевъ—каллиграфовъ, вмѣсто скульпторовъ—рѣщиковъ, вмѣсто музыкантовъ—гудочниковъ. Кажется, что послѣ такого безразсуднаго гоненія на изящныя художества, послѣ подавленія прекраснѣйшихъ душевныхъ силъ, вдохновеніе должно у мусульманъ преимущественно обнаруживаться въ поэзіи; но лжеучитель въ разрушительной проповѣди своей коснулся и этой части умственныхъ наслажденій. Видя въ поэтическихъ состязаніяхъ аравитянъ, на которыхъ являлись лучшія созданія арабскаго генія, только языческій обрядъ, Мухаммедъ изрекъ: «окончивъ свои церемоніи паломническія, вспоминайте Бога, какъ вы вспоминали своихъ предковъ, но съ большимъ усердіемъ» (Алкор. II, 196). Этимъ запретомъ онъ положилъ конецъ поэтическимъ собраніямъ аравитянъ на ярмаркахъ Оказа, на которыхъ каждый бардъ, наперерывъ передъ другими, выхвалялъ своихъ героевъ, и о которыхъ съ восторгомъ говоритъ Эль-Аззоки. (Смот. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Соч. И. Березина, въ Отеч. Зап. томъ XCVIII, отд. II, стр, 83—84).

но все потому же, что они были въ общемъ, почетномъ употребленіи при богослуженіи христіанскомъ. Лжепророкъ запрещаетъ даже молитву въ первые часы по восходѣ солнца и въ предшествующіе его захожденію, конечно очень мало заботясь о рогахъ сатаны, видныхъ будто-бы въ это время на горизонтѣ, но все для той же во всемъ разности съ христіанами, которые посвящали эти части дня обѣднѣ и вечернѣ[1]).

Наконецъ Мухаммедъ не удерживается и отъ прямаго выраженія своей боязни вліянія христіанства и своего ревниваго желанія возможно болѣе разобщить, отдалить и отвратить отъ него мусульманъ. Подъ угрозою лишенія покровительства Божія, онъ запрещаетъ мухаммеданамъ всякія близкія дружественныя отношенія съ христіанами. «О вѣрующіе,—заповѣдуетъ онъ,—не избирайте друзей между невѣрными! Берегитесь сидѣть съ невѣрными, иначе вы сдѣлаетесь подобны имъ, а Богъ соберетъ вмѣстѣ въ геенѣ лицемѣровъ и невѣрныхъ. Вѣрьте только тѣмъ, которые слѣдуютъ вашей (мухаммеданской) вѣрѣ. La ilah illa Allah! О вѣрующіе,—убѣждаетъ Мухаммедъ,—не избирайте друзьями жидовъ и христіанъ, они друзья одни другимъ. Тотъ, кто приметъ ихъ за друзей, кончитъ сходствомъ съ ними, а Богъ не будетъ путеводителемъ нечестивыхъ. La ilah illa Allah[2]).

---

[1]) Palgrave, t. 2, p. 36, 35.

[2]) Коранъ, V, 56; IV, 137—139, 143, 111, 66, 142. Г. Остроумовъ въ весьма краткой замѣткѣ своей «о значеніи мухаммеданства въ исторіи христіанства и въ исторіи человѣчества вообще» говоритъ, что мухаммедане, «буквально (?!) слѣдовали совѣтухалифа Омара, который сказалъ: мы должны поѣдать христіанъ и наши потомки должны поѣдать ихъ потомковъ, до тѣхъ поръ пока будетъ существовать исламизмъ». (См. Правосл. Собесѣдн. 1872 г. книж. 9, стран. 7). При завоеваніи всякой христіанской страны мусульмане воздвигали не только прямыя ожесточенныя гоненія на христіанъ, но и всячески старались унизить ихъ. Христіане обязывались: не строить въ своихъ городахъ, ни въ ихъ окрестностяхъ церквей, часовенъ и монастырей;—не возобновлять разрушившіяся изъ нихъ, не выставлять крестовъ на своихъ церквахъ, не звонить въ колокола;—не препятствовать ходу мусульманъ днемъ и ночью

И такъ, по міровоззрѣнію вѣроученія лжепророка Мухаммеда только три предмета—безусловная всесовершенная покорность предопредѣленію чудовищной религіи въ совокупности

въ христіанскія церкви, не возвышать голосовъ въ церквахъ въ присутствіи мусульманъ. Христіанамъ запрещалось въ своей странѣ даже говорить о своей религіи въ присутствіи мусульманина, а тѣмъ болѣе обращать его къ христіанству, но они не смѣли даже дѣтямъ своимъ препятствовать принять Исламъ, если они того пожелаютъ. Христіане обязывались оказывать уваженіе мусульманамъ и вставать предъ ними съ своихъ сѣдалищъ, когда они захотятъ сѣсть!... (Права христіанъ по мусульманскимъ законамъ. В. Гиргаса, изд. 1865 г., часть 2, страт. 67—68). Особенно богата яркими возмутительными фактами ненавистной вражды къ христіанамъ, заповѣдуемой Кораномъ Мухаммеда, исторія турецкой мусульманской имперіи. Всемірная исторія полна возмутительныхъ злодѣяній варварской жестокости къ христіанамъ султана Мухаммеда II, завоевателя Константинополя, двухъ имперій, четырнадцати королевствъ и двухъ сотъ областей. Безчисленные христіанскіе головы, которыя онъ раздроблялъ, члены, которые онъ пилилъ, гарнизоны, которые предавалъ смерти и умерщвленные имъ христіанскіе цари,—достаточно свидѣтельствуютъ о его кровожадной мусульманской ненависти къ христіанамъ. Преемники его ревностно подражали ему въ этомъ. Такъ напримѣръ, Султанъ Мухаммедъ III, при восшествіи на тронъ зарѣзавшій въ силу закона 19 своихъ братьевъ и задушившій 9 беременныхъ женъ своего отца, обманомъ завлекъ къ себѣ 50 тысячъ христіанъ, всѣхъ ихъ умертвилъ.—А Мурадъ IV (въ половин. XVII в.), въ бѣшенствѣ отъ гнѣва на частыя возмущенія противъ него мусульманскихъ его подданныхъ, вѣшаетъ патріарха Кирилла, умерщвляетъ тайно его преемника, налагаетъ новую тяжкую подать на христіанъ, сожигаетъ христіанскую библіотеку, сто тысячъ христіанъ предаетъ смерти, иныхъ распинаетъ, другихъ вѣшаетъ, иностраннымъ христіанскимъ посланникамъ дѣлаетъ разныя наглыя обиды, истребляетъ жителей Бѣлграда; крайность этихъ звѣрскихъ кровопролитій побудили многихъ государей Европы рѣшиться стереть съ лица земли безчеловѣчное мусульманское государство, но на дѣлѣ все ограничилось одними смѣшными посредничествами за страждущихъ христіанъ.—Магометъ IV (въ концѣ XVII в.) отпраздновалъ свое воцареніе безчисленными убійствами христіанъ. Этотъ тиранъ закололъ патріарха Парсенія II, за деньги возвелъ въ патріархи отступника Гавріила, котораго потомъ тоже зарѣзалъ; умертвилъ патріарха Іоанна II и повѣсилъ Парсенія III, котораго трупъ на посрамленіе христіанъ, три дня оставшійся на висѣлицѣ, былъ брошенъ въ море. Россія пыталась заступиться за христіанъ своимъ посредничествомъ, но, въ отвѣтъ на это, султанъ зарѣзалъ еще 30,000 христіанъ.—Заповѣдуемой Кораномъ Мухаммеда, ненависти мусульманъ къ христіанамъ нѣтъ предѣла и до нынѣ, какъ въ Турціи, такъ и въ Индіи, и въ Россіи, и въ прочихъ странахъ, гдѣ они только встрѣчаются. Такъ напримѣръ наша отечественная исторія достаточно свидѣтельствуетъ, какъ всегда и прежде страшно опустошали города и села русскіе, избивали и безчестили простыхъ и знатныхъ русскихъ христіанъ сосѣдніе ханства мухаммеданскія, сколь частые кровопролитные инородческіе мятежи въ восточныхъ областяхъ Россіи возбуждало и освящало мухаммеданство и потомъ и какъ даже и въ настоящіе дни мухаммедане тамъ издѣваются, публично срамятъ, хулятъ и осмѣиваютъ христіанство и христіанъ. Фанатичное ожесточенное отвращеніе мухаммеданъ отъ русскихъ въ этихъ областяхъ извѣстное и правительству неоднократно засвидѣтельство-

всего множества мухаммеданскихъ обрядовъ и исключительныхъ ихъ религіозныхъ понятій,—война за эту религію, какъ единственно существенныя двѣ обязанности, и наконецъ—плоть женщинъ, приниженныхъ болѣе, чѣмъ самки у животныхъ, какъ единственная законная забава и развлеченіе,—должны поглотить всю дѣятельность, наполнить все существованіе, всю жизнь мухаммеданина. Но только сражаться и молиться, только молиться и сражаться, да еще валяться въ грязи развратной, скотской чувственности, этого можетъ быть достаточно для поглощенія силъ солдата только на время войны и только для

вано и современною литературою. Злобная непріязнь отъ мусульманства къ христіанамъ влечетъ постоянно и русскихъ мухаммеданъ не только къ политически-преступнымъ противъ Россіи разрушительнымъ цѣлямъ и дѣйствіямъ противленія при всякихъ затруднительныхъ для Россіи обстоятельствахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, но даже и донынѣ постоянно возбуждаетъ ихъ къ преступленіямъ и уголовнымъ, въ Казани недавно доходившимъ до публичнаго сопротивленія даже русскимъ войскамъ и до кровопролитнаго «боя не на жизнь, а на смерть. Русскіе (христіане) стали было уже укрываться и, забѣжавъ на одинъ дворъ, затворили ворота, но татары выбили всѣ окна, ворвались во дворъ, и здѣсь началась страшная драка. Домъ былъ разбитъ и разграбленъ. Выбравшись на просторъ, татары уже не спускали ни дравшимся, ни не дравшимся. Въ нѣкоторыхъ домахъ были окна разбиты. Одинъ пріѣзжавшій въ это время прикащикъ былъ убитъ наповалъ. Затѣмъ татары бросились на мостъ и начали бросать съ высоты семи саженъ всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, изъ которыхъ многіе были убиты до смерти. Наконецъ прискакалъ отрядъ казаковъ, но было уже поздно: свалка была такъ ожесточена, что было сдѣлано нападеніе на отрядъ; одного казака сшибли съ лошади и бросили съ моста, гдѣ потомъ нашли его мертвымъ. Послѣ энергическихъ мѣръ толпа всетаки была разогнана въ разныя стороны. Послѣ этой драки, какъ пишетъ корреспондентъ «Бирж. Вѣд.», сообщающій это извѣстіе, собрано дубинокъ и прочихъ орудій около трехъ возовъ и поднято девять изувѣченныхъ мертвыхъ тѣлъ. (См. Современ. Извѣст. за 1870 г. 6 Март. № 64, стран. 2). И могутъ ли иначе поступать приверженцы чудовищнаго мухаммеданства, когда всѣ добросовѣстные его изслѣдователи единогласно свидѣтельствуютъ о «несомнѣнности той истины», что ни одна религія не питаетъ такой глубокой, закоренѣлой ненависти противъ христіанства, какъ исламизмъ, и эта безконечная ненависть тотчасъ же передается всѣмъ народамъ, которые принимаютъ мухаммеданство. Ни какая другая религія не нанесла христіанству такого громаднаго вреда, какъ исламизмъ, потому что для мухаммеданской совѣсти Коранъ все, а Коранъ внушаетъ только ненависть и презрѣніе къ христіанамъ. (Бесѣды Деллингера о соединеніи христіанскихъ церквей.—Взглядъ на нехристіанскій міръ, въ Православн. Обозрѣн. 1872 г., Август. стран. 155, 147, 149). Въ настоящее время старинная борьба между христіанствомъ и мусульманствомъ далеко еще не кончена и вовсе не клонится на сторону христіанства»,—замѣчаетъ извѣстный нашъ знатокъ востока и мухаммеданства Г. В. Васильевъ. (Русск. Вѣстн. 1872 г. Май, томъ 99, стран. 166).

временнаго въ мирные дни тѣла фанатика мусульманина[1]). По минованіи же борьбы, по охлажденіи яростнаго религіознаго усердія, что будетъ оживлять и воодушевлять силы духа, утомленнаго войнами и невольнымъ безусловно-обязательнымъ, страдательнымъ выполненіемъ предопредѣленныхъ деспотомъ-божествомъ религіозныхъ предписаній и обрядовъ, а въ концѣ концевъ пресыщеннаго распутствомъ?... Не любовь свободная, возвышенная, святая христіанская,—потому что въ мухаммеданствѣ она осквернена, уничтожена[2]),—не задушевныя, дорогія христіанскому сердцу, узы семейныя,—которыя разрушены въ Исламѣ безграничнымъ наложничествомъ, многоженствомъ и частыми разводами; — тѣмъ болѣе не живыя общественныя собранія, невинныя игры, развлеченія, считаемыя у мусульманъ козпями, ловушками самого сатаны, даже не земледѣліе, потому что если заняться земледѣліемъ, то тебя, твой домъ перестанутъ посѣщать ангелы, сказалъ Мухаммедъ своей возлюбленной Айшѣ;—даже не торговля, потому что вести торговлю значило-бы посягать на преимущества завистливаго божества деспота, которое само ревнуетъ о пропитаніи вселенной;—наконецъ и не наука, потому что, если будешь заниматься наукою, то будешь признанъ еретикомъ: Мухаммедъ объявилъ это прямо[3]).

---

[1]) Palgrave, t. 2, p. 40.

[2]) Истинной любви къ человѣчеству въ уставахъ Алкурана и Ислама не существуетъ: Исламъ предписываетъ любовь лишь къ единовѣрцамъ своимъ-мусульманамъ и притомъ выраженія о любви вообще неопредѣлены, потому что Исламъ болѣе знаетъ любовь попреимуществу—плотскую, любовь къ женщинѣ. Собравъ всѣ правила Алкурана объ обязанностяхъ мусульманина къ своимъ единовѣрцамъ, мы даже не получимъ и отрицательнаго выраженія любви: не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь. (См. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Соч. И. Березина, въ Отеч. Зап. т. XCVIII, отд. II, стр. 33).

[3]) Palgrave, t. 2, p. 41. Въ немногихъ словахъ,—заключаетъ другой оріенталистъ,—выражается смыслъ Ислама: преданіе себя на волю промысла, изступленное отреченіе отъ всего немусульманскаго и сенсуальное воззрѣніе на жизнь настоящую и будущую. Первое правило довело, въ числѣ другихъ причинъ, мусульманскій востокъ до квіетизма. Въ абстрактности джихада Исламъ знаетъ

Напрасно думаютъ, будто преобразованія, въ духѣ смягченія, возможны при положительныхъ и ясныхъ опредѣленіяхъ

только двѣ національности: мусульманскую и не мусульманскую; а всякую другую народность онъ подавляетъ, и притомъ не мусульманская народность внѣ закона. Исламъ не разумѣетъ даже и того, что какое нибудь убѣжденіе лучше отсутствія всякаго убѣжденія: онъ не дѣлаетъ различія между безвѣріемъ и вѣрованіемъ немусульманскимъ, у него есть тупое выраженіе: «немусульмане одна нація». Въ Исламѣ нѣтъ отечества, есть только мусульманинъ; всякій посторонній элементъ отвергается какъ осквернепіе. Пускай бы еще Исламъ, въ отношеніи немусульманъ, ограничивался индеферентизмомъ; но, отрицая все невѣрное, онъ невольно впадаетъ въ обскурантизмъ; предлагая религіозную централизацію, Исламъ не допускаетъ введенія мусульманской земли въ систему другихъ народовъ, какъ по ясному правилу религіи, такъ и по общему направленію мусульманскаго общества. Конечно, Исламъ, вмѣсто племеннаго быта и разъединенія, предлагаетъ одну имперію, но не дозволяя вносить въ нее ничего чужаго, въ тоже время навязываетъ всѣмъ климатическія условія и повѣрья Аравіи, правила, пригодныя лишь для своего околодка; онъ уничтожаетъ до-Мухаммедову исторію, называя ее временами невѣжества, и заставляетъ каждый народъ развиваться на перекоръ своей натурѣ. Пожалуй мы извинимъ Мухаммеду его уступки обстоятельствамъ, но Исламу, какъ религіи, извинить не можемъ. Страшны тѣ, которые не хотятъ признать въ мусульманинѣ человѣко-ненавидца. Одно изъ важнѣйшихъ несчастій мусульманской религіи состоитъ въ томъ, что она незаботится о культурѣ. Духовное совершенствованіе не понятно мусульманину, общая польза ему чужда, и это также составляетъ одну изъ причинъ мусульманскаго квіетизма. Въ основаніи человѣческой натуры лежитъ потребность усовершенствованія; но для этого необходимо человѣку побужденіе, необходимъ возвышенный идеалъ, котораго бы недостигалъ самый лучшій человѣкъ и, слѣдовательно, всегда бы имѣлось впереди что нибудь для усовершенствованія: идеалъ мусульманина очень ограниченъ. Исламъ не допускаетъ прогресса уже и потому, что всякое нововведеніе, по заклятію его, ведетъ въ огнь адскій. Не разрѣшая тайны жизни, обойдя глубокіе вопросы, Исламъ допускаетъ только крайне-односторонпее развитіе человѣка; а извѣстно, какъ это въ общественномъ значеніи пагубно. Позволимъ себѣ еще нѣсколько словъ о мнимой исторической заслугѣ Ислама, для разсмотрѣнія которой потребна особенная статья: защитники Мухаммеда восхваляютъ, какъ неслыханное благодѣяніе, уничтоженіе кровавыхъ жертвъ въ Аравіи. Но развѣ введеніе благодѣтельнаго устава въ одной семействѣ можетъ искупить отношенія и страшныя человѣческія бойни въ цѣлой части свѣта, обезлюдеиіе и войной, и многоженствомъ цвѣтущихъ и благодатныхъ странъ, повержеиіе въ квіетическій обскурантизмъ многихъ милліоновъ людей? И развѣ Аравія не осталась при прежнемъ кочевомъ и родовомъ бытѣ, въ глубокомъ невѣжествѣ? И кто же можетъ поручиться, что этого благодѣянія, за которое благодарятъ Мухаммеда, не оказало бы Аравіи христіанство, еслибъ лжеучитель не вздумалъ пересѣчь ему пути? Ассирія и Персія были образованнѣе нынѣшнихъ мусульманскихъ державъ; вопреки историческому совершенствованію, Исламъ, всегдашній анахронизмъ, отодвигаетъ человѣчество назадъ. Едва-ли не самая видная услуга Ислама состоитъ въ томъ, что онъ разнесъ по свѣту осну, дотолѣ неизвѣстную, и долго бывшую, какъ и самый Исламъ, страшилищемъ для человѣчества. (См. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности: Соч. И. Березина, въ Отеч. Зап. т. XCVIII, отд. II, стр. 106—108).

Алкорана и Ислама: вы, новые реформаторы, можете поставить иной принципъ, совершенно чуждый Исламу, но это будетъ прямое отрицаніе самыхъ коренныхъ уставовъ Мухаммедова ученія. Ниспровергайте Исламъ, но не говорите, что вы развиваете недосказанныя положенія въ его же духѣ; издавайте гюльханейскія грамоты, но не утверждайте, что ваша реформа въ видахъ Ислама законна: скажите намъ спачала стихи Алкурана или преданій, на которыхъ вы основываетесь, или, въ крайнемъ случаѣ, покажите примѣръ изъ первыхъ временъ мусульманства; мы же съ своей стороны знаемъ знаменитое изреченіе лжеучителя: «всякое нововведеніе есть противообычіе, а всякое противообычіе—заблужденіе, а всякое заблужденіе (ведетъ) въ огнь адскій. Дѣйствуя такимъ образомъ въ отношеніи къ Исламу, по крайней мѣрѣ сознайтесь, что вы дѣйствуете противъ смысла Ислама. Но мы знаемъ, что откровенныя сознанія не въ вашемъ духѣ, что вы боитесь новыхъ ваххабитовъ.... Ложь носитъ наказаніе въ себѣ самой[1]).

Каковы же плоды міровоззрѣнія мухаммеданскаго вѣроученія?—Лучшимъ пробнымъ камнемъ системъ служатъ ихъ слѣдствія, ихъ вліяніе; «самъ поклонникъ сообразенъ тому, что онъ обожаетъ»,—говоритъ одна арабская пословица. И дѣйствительно упадокъ духа, развращеніе нравовъ, война извнѣ, раздоръ во всѣхъ видахъ внутри, въ быту домашнемъ, общественномъ и государственномъ, судорожныя волненія фанатизма, смѣняемыя безпечнымъ онѣмѣніемъ, кратко-временное благоденствіе предъ страшными продолжительными опустошеніями,—такова мрачная картина, представляемая исторіею племенъ мухаммеданскихъ.

Образцовая страна Ислама, государство чудовищныхъ

[1]) Смот. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Соч. П. Березина, въ Отеч. Зап. томъ XCVIII, отд. II, стр. 103.

идей и мнимыхъ блаженствъ Корана, царство Ваґабитское внутри Аравіи представляетъ поражающій примѣръ разрушительнаго дѣйствія мухаммеданства[1]). Тамъ начала міровоззрѣнія Мухаммедова вѣроученія господствуютъ уже болѣе вѣка, внѣ всякаго посторонняго вліянія, со строгою, послѣдовательною точностію и съ настойчивою силою воли, которыми такъ щедро одарены именно арабы — неджасцы.—По плодамъ узнается дерево, и если бы кто еще противился осужденію богопротивнаго міровоззрѣнія Корана, то практическія послѣдствія, порожденныя имъ въ особенности въ вліятельномъ и религіозномъ центрѣ, въ столицѣ Ваґабитовъ, должны окончательно и совершенно убѣдить его въ справедливости взгляда Пальґрэва на Исламъ, въ крайней вредности и чудовищности мухаммеданства[2]).

Но и кромѣ этого новѣйшаго свидѣтельства о плодахъ мухаммеданства преимущественно на его родинѣ, куда, на какія страны, бывшія опутанными разрушительными сѣтями Ислама, мы ни посмотримъ,—«мы видимъ, что исторія отмѣтила мухаммеданство печатью осужденія[3]): страны, нѣкогда цвѣтущія и обитатели этихъ странъ, гдѣ царствуетъ исламизмъ, теперь пали до послѣдней крайности, и внимательное изученіе показываетъ, что именно исламизмъ былъ причиною медленной гибели и паденія цѣлыхъ народовъ и довелъ эти страны до такого безотраднаго положенія. И нынѣ нельзя сказать ни объ одной странѣ, находящейся подъ владычествомъ мусульманъ, что она отличается цвѣтущимъ положеніемъ. Въ начальномъ отечествѣ рода человѣческаго, въ древней Халдеѣ, въ странахъ между Тигромъ и Евфратомъ теперь все пустыня, все

[1]) Palgrave, t. 2, p. 41.
[2]) Palgrave, t. 1, p. 326.
[3]) Православное Обозрѣніе 1872 года, Августъ, стран. 147, 151. «Взглядъ на нехристіанскій міръ», въ Бесѣдахъ Деллингера о соединеніи христіанскихъ церквей.

безлюдно; земледѣлія мало, городовъ мало, да и тѣ бѣдны и въ жалкомъ положеніи, селъ нѣтъ; люди блуждаютъ, не зная о своихъ предкахъ, и съ каждымъ днемъ все ближе и ближе къ состоянію дикарей. Всѣ эти великолѣпные и многолюдные города, о которыхъ намъ говоритъ исторія, ихъ многочисленное народонаселеніе, образованное и богатое, которое еще оставалось до среднихъ вѣковъ, теперь исчезло совершенно!... А въ современной намъ мусульманской имперіи, напримѣръ Турецкой «огромныя пространства богатой и плодоносной земли, въ которой путешественники еще немного лѣтъ тому назадъ съ удивленіемъ созерцали роскошное изобиліе природы и восхищались красотой волнующихся нивъ, плодовитыхъ оливковыхъ и тутовыхъ деревьевъ, въ настоящее время безмолвны, какъ могила. Жители всѣ вымерли; деревья погибли; нѣкогда плодоносныя поля превратились въ безплодную песчаную пустыню, и эта земля, щедро одаренная благостью Создателя, обречена на безплодіе и запустѣніе вслѣдствіе прихоти и грѣховности человѣка. Посѣщая вновь мѣста своихъ прежнихъ странствованій, путешественникъ не увидитъ болѣе пріятнаго зрѣлища, представлявшагося его глазамъ лѣтъ шесть тому назадъ; но вмѣсто того его поразитъ дикая пустыня, не сохранившая ни малѣйшаго признака дорогъ, въ которой онъ принужденъ будетъ отыскивать свой путь по кипарисамъ покинутыхъ кладбищъ, молчаливо оплакивающихъ изчезнувшія съ лица земли деревни. Нѣтъ почти ни одного города въ имперіи, гдѣ бы цѣлыя предмѣстья, на памяти людской кипѣвшія жизнію и оглашавшіяся криками дѣтей, не сдѣлались теперь совершенно безлюдными: одинъ кварталъ—вслѣдствіе смертности, господствующей между турками, другой—вслѣдствіе избіенія христіанъ. Такая именно участь постигла Смирну; то-же самое постигло Дамаскъ; то-же зрѣлище представляется въ окрестностяхъ Ефеса, и оно же наводитъ грусть на путеше-

ственника, молчаливо блуждающаго по необитаемымъ улицамъ Никеи. Повсюду, гдѣ только турокъ поставилъ свою ногу, трава не растетъ болѣе, онъ несетъ съ собой запустѣніе. Когда спрашиваютъ причину этого, по неволѣ отвѣчаешь: причина этого въ ложной религіи... И эта религія, которая въ Турецкой имперіи, въ Персіи, въ Индіи, въ сѣверной Африкѣ, въ Египтѣ,—вездѣ производитъ тоже самое дѣйствіе, и отъ которой можно ожидать постепеннаго истребленія уже доведенныхъ ею до крайняго паденія народовъ, ее исповѣдующихъ[1]),— эта всеразрушающая, чудовищная, человѣконенавистная религія въ нашемъ православно-христіанскомъ отечествѣ, въ наши человѣколюбивые дни снова является наступательною и повидимому одаренною распространительною силою. Обильное у насъ мечетями и школами, сильное, стойкое фанатичнымъ, единодушіемъ своихъ послѣдователей и многочисленностію своего духовенства «мухаммеданство является нестолько въ качествѣ религіи терпимой, которой подобаетъ смиреніе, сколько въ качествѣ религіи воинствующей и постоянно стремящейся къ новымъ завоеваніямъ[2]). Нѣсколько-милліонное мухаммеданское населеніе европейской Россіи не довольствуется терпимостію христіанско-русскимъ правительствомъ его вреднаго суевѣрія, но, составляя фанатичною обособленностью своей религіозно-бытовой жизни въ русскомъ государствѣ крайне враждебное христіанской Россіи же разрушительное государство, всѣми силами постоянно стремится отвлечь отъ христіанства и всего русскаго и привязать къ убійственному мухаммеданству цѣлыя населенія крещеныхъ восточныхъ инородцевъ русскихъ. «Оказываясь сами косными и упорными въ заблужденіяхъ своей религіи, мухаммедане, сверхъ того, стараются совра-

---

[1]) Прав. Обозр. 1872 г. Августъ, стр. 147, 154.

[2]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1867 года № 4, стр. 76, часть 134.

тить въ нее инородцевъ, принявшихъ христіанство, и употребляютъ для этого всѣ средства систематической пропаганды»[1]), весьма сильно развитой не только въ муллахъ, но и въ каждомъ послѣдователѣ Ислама[2]).—Вотъ то крайне важное обстоятельство,—важное не только съ религіозной, но и съ государственной точки зрѣнія,—на которое необходимо обратить особенное вниманіи *всему* православно-русскому обществу, чтобы мертвенное мухаммеданское лжеученіе не оказывало въ нашемъ искренно-христіанскомъ отечествѣ фальшивой жизненности, къ какой безсильно оно даже въ государствахъ мусульманскихъ. И, какъ зловредное мухаммеданство поддерживается у насъ особенно всеобщимъ единодушно дѣятельнымъ отношеніемъ къ нему и стояніемъ за него именно *всѣхъ* его членовъ, всѣхъ мухаммеданъ,—такъ пора и намъ русскимъ христіанамъ противостать ему *всѣмъ* посильно. Пора родное намъ дѣло христіанскаго просвѣщенія иновѣрцевъ нашего отечества признать дѣломъ всѣхъ насъ, а не сваливать его только на духовенство съ правительствомъ. Пора намъ вспомнить, что это святое дѣло, составляя всеобщую духовно-нравственную нашу обязанность, необходимо требуетъ дружной противодѣятельности мухаммеданству непремѣнно *всѣхъ вмѣстѣ* русско-христіанскихъ элементовъ, какъ церковныхъ, такъ и общественно-народныхъ. Мухаммеданство сильно и разрушительно, какъ смерть и зло, но въ нашихъ рукахъ сила несравненно болѣе мощная и болѣе крѣпкая, русско-христіанская, животворная сила вѣчной жизни и добра,—сила Христова, сила единаго истиннаго, всесильнаго христіанскаго Бога!

---

[1]) Извлеченіе изъ всеподданѣйшаго отчета оберъ-прокура Святѣйшаго Синода, Гр. Д. Толстаго, по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1871 годъ, стр. 43, издан. 1872 года.

[2]) Извлеченіе изъ всеподданѣйшаго отчета оберъ-прокурора Свят. Синода за 1866 г. стр. 26.

Въ книжныхъ магазинахъ: Въ С.-Петербургѣ—для иногородныхъ; въ Москвѣ—Мамонтова, Вольфа, Богданова и Ферапонтова; въ Казани—Дубровина; въ Орлѣ—Ронье; въ Харьковѣ—Плотникова, Черкесова, Геевскаго, и прочихъ (подробные адресы мѣстнымъ почтамтамъ извѣстны), [illegible], **составленныя Е. И. Воронцомъ**, слѣдующія книги:

Матеріалы для изученія и обличенія мухаммеданства. Выпускъ 1-й: Первоначально Богооткровенная **истина Единства Божія въ до мухаммеданской религіи** аравитянъ. 1873 г. [illegible] —Статья эта **одобрена** въ Извлеч. Всеподдан. Отчета Оберъ-Прокурора Св. Синода по вѣд. Правосл. Исповѣд. за 1873 г. стр. 160.

— Выпускъ 2-й: **Міровоззрѣніе мухаммеданства и отношеніе его къ христіанству. Казань 1877 г.** [illegible] руб.

— Выпускъ 3-й: **I. Отпаденія** инородцевъ **христіанъ въ мухаммеданство съ русской** государственной точки зрѣнія. **II. О свободѣ вѣры по русскимъ** законамъ и **о противныхъ ей дѣйствіяхъ мухаммеданъ въ Россіи.** Орелъ 1876 г. [illegible] руб.

Дополненія къ книжкѣ: 3-й выпускъ **матеріаловъ для изученія и обличенія мухаммеданства.** Казань 1877 г [illegible] к.

Казанская учительская семинарія по отношенію къ мѣстному населенію—историко-этнографическій очеркъ религіозно-бытоваго состоянія поволжско-инородческаго населенія. М. 1873 г. [illegible] к.

Чтеніе по русски для учениковъ изъ **крещеныхъ татаръ.** Казань 1874 г. [illegible] к.

Жизнеописаніе **вѣропроповѣдницы** Христіанства **Святой Поликсеніи.** Орелъ 1875 г. [illegible] к.

Къ воспоминаніямъ объ отцѣ протоіереѣ Александрѣ Васильевичѣ **Горскомъ**, бывшемъ ректорѣ Московской Духовной Академіи. Харьковъ 1877 г. [illegible] к.

Жизнеописаніе **Св. Маріи Магдалины**,—изъ людей **первой проповѣдницы Воскресенія** Христова. Кіевъ 1873 г. [illegible] к.

Объ **Ангелахъ-Хранителяхъ и о подражаніи** [illegible], именами которыхъ **мы называемся.** Харьковъ 1877 г. [illegible] к.

Зачѣмъ учатся и учатъ грамотѣ христіане, для чтенія въ русскихъ народныхъ школахъ. Харьковъ 1877 г. [illegible] к.

ВСКОРѢ ЖЕ ПОСТУПЯТЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

Нѣсколько **Христіанскихъ словъ мірянина къ міранамъ.**

Жизнеописаніе **Святаго Евстаѳія**, архіепископа **Антіохійскаго.**

РУССКІЕ ЗАКОНЫ О ВѢРѢ. Собраніе дѣйствующихъ Русскихъ Государственныхъ законовъ о вѣрѣ, **СЪ РАЗЪЯСНЕНІЕМЪ ИХЪ ПО-ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМЪ** разсужденіямъ, на коихъ они основаны, по **КАССАЦІОННЫМЪ** рѣшеніямъ департаментовъ Правительствующаго Сената, и по **УЧЕНЫМЪ** толкованіямъ русскихъ законовѣдовъ.—Справочная книга **ДЛЯ ВСѢХЪ** русскихъ гражданъ по обстоятельствамъ, касающимся ихъ вѣры **ВЪ РУССКОМЪ** государствѣ.

20070512225